ПИОНЕР

ИЮНЬ Издательство „Правда". 1949 г. 6

№ 6
ИЮНЬ
1949 г.

ПИОНЕР

*Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ*

1799–1949

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

А. Пушкин

А. С. Пушкин в парке.

В. Серов

ПУШКИН С НАМИ

С. Бонди

Пушкина от нас отделяет промежуток более ста лет. Но его поэзия нисколько не устарела. Он не стал для нас только писателем прошлого, которого мы ценим за его исторические заслуги, изучаем как «родоначальника новой русской литературы». Нет, Пушкин живёт для нас как современный писатель, мы и сейчас с наслаждением читаем его и перечитываем. Он нас волнует и радует своей чудесной поэзией, он учит нас понимать жизнь и людей, он воспитывает в нас лучшие чувства человека и гражданина.

Пушкин жил в далёкую от нас эпоху, он принадлежал к дворянскому классу. Не удивительно, что он на многое смотрел не так, как теперь смотрим мы. Но замечательно, что в самом основном, в самых главных свойствах своей поэзии он нам в высшей степени близск.

Пушкин был поэт, воспевавший свободу. Едва выйдя из лицея, он стал писать революционные стихи, призывающие к борьбе с царским самодержавием и с крепостным правом. Стихи эти, конечно, не печатались, а передавались из уст в уста, их тайком переписывали, и, таким образом, они распространялись по всей России. Декабрист Якушкин в своих воспоминаниях пишет о революционных стихах Пушкина: «Все его напечатанные сочинения: «Деревня», «Кинжал», «Четырёхстишие к Аракчееву», «Послание к Петру Чаадаеву» и много других — были не только всем известны, но в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал их наизусть». Александр I жаловался Энгельгардту, директору лицея, где когда-то учился Пушкин: «Пушкин наводнил Россию возмутительными[1] стихами; вся молодёжь наизусть их читает».

Далеко не все из этих стихов дошли до нас. Среди них есть и оды, и элегии, и сатирические стихи. Во всех них веет горячий, революционный дух, звучат негодование на рабское состояние России и пылкие надежды на падение самодержавия и освобождение народа.

В оде «Вольность» Пушкин писал:

> «Питомцы ветренной судьбы,
> Тираны мира! трепещите!
> А вы мужайтесь и внемлите,
> Восстаньте, падшие рабы!»

Пушкин верил, что в грядущей революции он и сам примет участие, что и его имя будет написано «на обломках самовластья».

В злых и остроумных эпиграммах Пушкин высмеивал самого царя и его министров.

Всеми этими стихами Пушкин, не принадлежавший формально к тайному обществу декабристов, активно участвовал в революционной борьбе.

Нам близок и дорог Пушкин, свободолюбивый поэт, вдохновлявший на революционные подвиги молодёжь, в тяжёлые годы реакции, в «жестокий век» воспевший свободу.

Пушкин с глубоким уважением относился к трудовому народу, к крестьянству. «Взгляните на русского крестьянина, — писал он в статье «Путешествие из Москвы в Петербург», — есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смышлёности и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны». Царский шпион, посланный в село Михайловское разузнать о поведении Пушкина, доносил, что «Пушкин дружески обходился

[1] То есть мятежными, революционными.

с крестьянами и брал за руку знакомых, здороваясь с ними».

Пушкин считал, что он должен писать не только для образованной дворянской верхушки общества, но для широких народных масс. Он хотел в своём творчестве выражать чувства и взгляды народа. Серьёзно и настойчиво изучал Пушкин народ, его жизнь, его потребности. Он записывал сказки, песни, которые пела ему няня Арина Родионовна; слушал и записывал песни и у других крестьянских певцов. Он учился сочинять такие стихи, какие сочиняет народ, и в совершенстве овладел уменьем писать в духе народного творчества. Передавая записанные им народные песни известному собирателю песен Киреевскому, Пушкин сказал ему: «Там есть одна моя, угадайте!» И Киреевский сколько ни старался, так и не сумел отличить, какие песни записаны, а какие сочинены самим Пушкиным.

Пушкин написал целый ряд произведений в народном духе: «Песни о Стеньке Разине», несколько сказок, драму «Русалка», ряд стихотворений, в которых ярко отражаются образы народной фантазии («Утопленник», «Бесы» и др.).

В то время, когда Пушкин писал всё это, он мог только мечтать о том, чтобы его произведения читал народ: почти все крестьяне были тогда неграмотны. Теперь эти мечты поэта полностью осуществились. Пушкина знают и читают у нас все. Он стал подлинно народным поэтом.

Пушкин нам понятен и близок и своим реализмом, своим уменьем правдиво рисовать жизнь и людей, не прикрашивая действительности. К реализму Пушкин пришёл не сразу. В произведениях молодых лет он любил создавать красивые, величественные поэтические картины, не очень заботясь о точном и верном изображении жизни. А если он и показывал реальную жизнь и природу, то стремился изображать в ней только величественное, прекрасное или мрачное, грозное. Он восхищал читателей чудесным, поэтическим изображением природы Кавказа, прелестей Крыма и Чёрного моря, он рисовал романтических героев, рассказывал о необыкновенных, трагических событиях. Но, становясь старше, Пушкин всё более понимал, что задача литературы не в отборе из жизни только «поэтического», «высокого», — что поэт должен понять, глубоко почувствовать и верно изобразить всю жизнь целиком.

В лучших своих произведениях он с удивительной силой и красотой воспроизводит простую, обыкновенную русскую природу, простых русских людей, рассказывает их жизнь. Он заражает читателей горячей любовью к своей стране, к её природе, к её людям.

В одном месте «Евгения Онегина» Пушкин сам указывает на эту перемену направления в его поэзии — от романтической высокопарности, стремления изображать необычное, к реалистической простоте, связанной с глубокой любовью к родине.

Пушкин говорит о своей юной поэзии:

«В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безыменные страданья...»

Теперь его поэтические требования изменились:

«Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи;
Перед гумном соломы кучи —
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых...»

В таких произведениях, как «Евгений Онегин» и «Борис Годунов», Пушкин изображает множество самых разнообразных людей, характеров, учит нас понимать жизнь, разбираться в людях. «Первая заслуга великого поэта, — говорил о Пушкине великий драматург А. Н. Островский, — в том, что через него умнеет всё, что может поумнеть. Богатые результаты совершеннейшей умственной лаборатории делаются общим достоянием».

Изображая в своих стихах лето, зиму, осень, весну в деревне, Пушкин показывает прелесть простой и скромной, с первого взгляда, русской природы.

Свою любимую героиню Татьяну Ларину Пушкин также наделяет чертами внешней простоты и скромности. Она не красавица:

«Ни красотой сестры своей,
Ни прелестью ее румяной
Не привлекла б она очей...»

Имя у неё простое, деревенское. В те времена имя Татьяна звучало так же, как Матрёна, Акулина:

«Ее сестра звалась Татьяна...
Впервые именем таким
Страницы нежные романа
Мы своевольно освятим».

Пушкин показывает подлинную прелесть не во внешней красивости, эффектности, а во внутреннем содержании, в душевной чистоте, уме и благородстве.

Начиная с Пушкина реализм сделался основным направлением русской литературы.

В поэзии Пушкина всегда звучит горячий патриотизм, горячая любовь поэта к своей родине.

Патриотизм лежал в основе революционной поэзии Пушкина. В своих стихах он призывал к служению родине:

«Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.»

Патриотический характер носит и народность Пушкина, его любовь к трудовому народу: он гордится высокими качествами русского народа. «Никогда Европа не осмелится уже бороться с народом, который рубит сам себе руки и жжёт свою столицу»,— говорит героиня повести Пушкина «Рославлев» по поводу московского пожара в 1812 году.

Есть у Пушкина темы и идеи, которые особенно связывают его с нашей современностью.

В детстве и ранней юности Пушкин был свидетелем Отечественной войны 1812 года. Эти события оставили глубокий след в творчестве Пушкина. И в стихах и в прозе он не раз рисует картины войны 1812 года и следующих годов. В стихотворении «Наполеон» он говорит о безумии замыслов покорить Россию:

«Надменный, кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?»

Наконец, он пишет большое произведение «Полтаву», несомненно также навеянное размышлениями о событиях 1812 года.

В «Полтаве» изображается нашествие дотоле непобедимого врага на нашу страну, серьёзная опасность, грозившая ей в начале XVIII века от войск шведского короля Карла XII. Говоря о движении его на Москву, Пушкин вспоминает о нашествии Наполеона:

«Он шел путем, где след оставил
В дни наши новый, сильный враг,
Когда падением ославил
Муж рока свой попятный шаг».

Пушкин изображает разгром шведов в полтавском сражении, которое, по его словам, «доказало государству успех и необходимость преобразований, совершаемых царем» (Петром I).

В таких событиях, как нашествие Карла XII или нашествие Наполеона, Пушкин видел своего рода экзамен для страны, пробу её способности оказать сопротивление внешнему врагу, отстоять оружием свою независимость.

Всего несколько лет назад наша Родина снова подверглась подобному же испытанию, только в гораздо большем масштабе и победоносно вышла из этого страшного испытания.

Вот почему многое, что говорит Пушкин в «Полтаве», кажется таким близким нашему времени.

Замечательны стихи, где Пушкин говорит о России XVIII века, о том, как из тяжких испытаний борьбы с шведским королём Россия вышла не ослабевшей, а, наоборот, окрепшей. Эту мысль Пушкин делает особенно яркой и выпуклой, сравнивая вражеские удары с ударами тяжёлого молота, разбивающими вдребезги хрупкое стекло и укрепляющими ковкую сталь.

«Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок нежданный и кровавый
Задал ей шведский паладин.
Но в искушеньях долгой кары
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат».

Пушкин живёт в нашей современности. Не только прелесть его стихов, несравненная поэтическая высота и сила его творчества делают его любимым поэтом в нашей стране. Внимательно читая Пушкина, мы убеждаемся то и дело, что и он думал о том, о чём мы думаем, волновался нашими волнениями, искал ответа на вопросы, которые решаем мы.

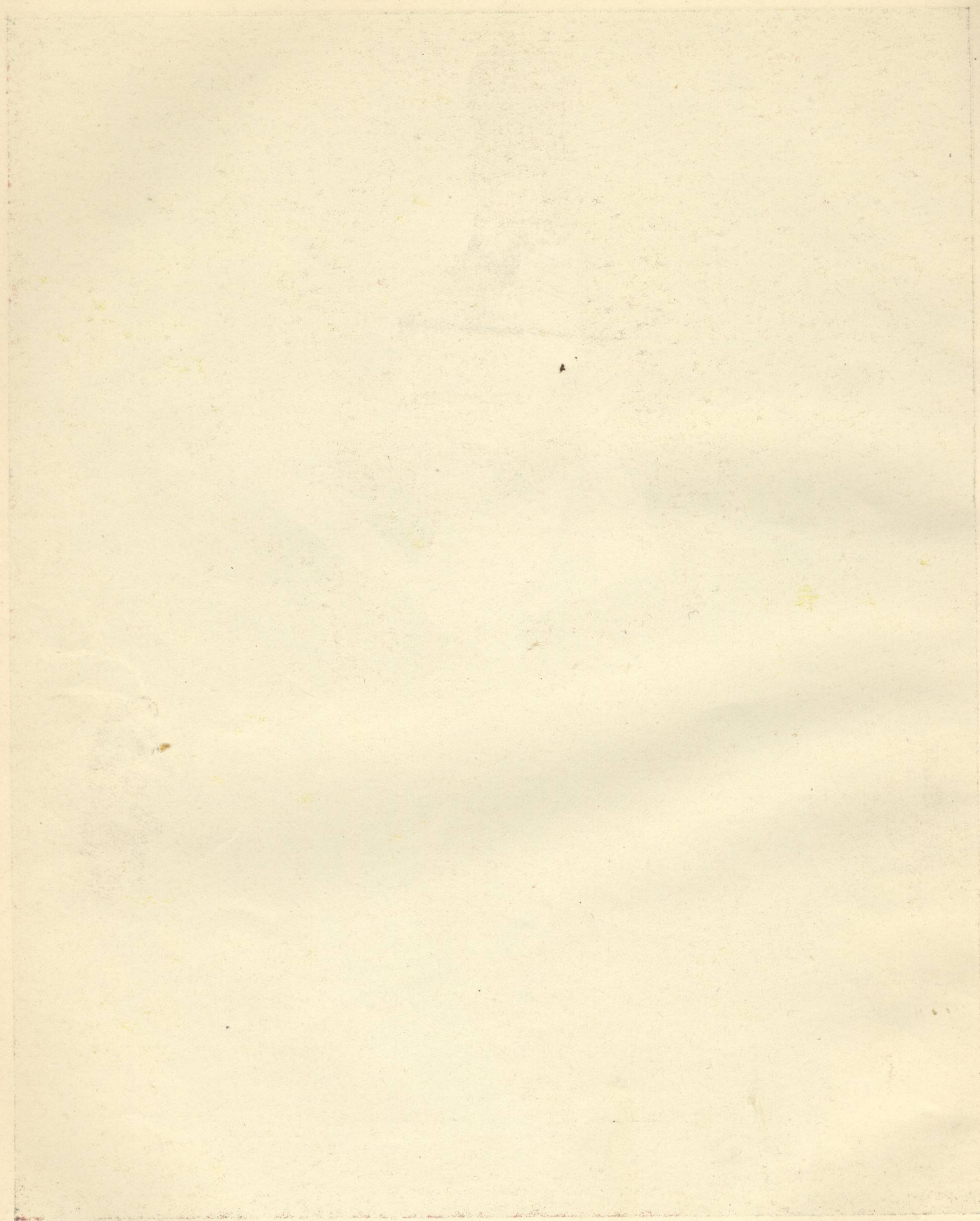
Стопятидесятилетие со дня рождения Пушкина — подлинный всенародный праздник, чествование памяти поэта, близкого нам, нашего современника, нашего друга.

А. С. ПУШКИН.

Портрет работы В. А. Тропинина (1827 год).

НАШ ПУШКИН

Ахмед Ерикеев

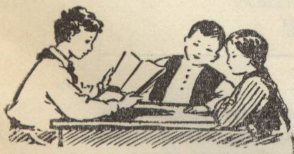
Молодой, весёлый и кудрявый —
Он таким запомнился навек...
Наша удивительная слава,
Наша гордость — этот человек.

Словно друг, живущий по соседству,
С каждым днём всё ближе и родней,
Он к тебе приходит в раннем детстве
С первой песней матери твоей.

Он к тебе приходит вечно новым
Он твой путь осветит, как звезда,
Чтобы ты, с его сдружившись словом,
С ним не расставался никогда.

Наизусть ты знаешь по-татарски
«Зимнюю дорогу» и «Обвал»,
А Володя пушкинские сказки
Нам вчера по-русски прочитал.

А Закир, парнишка чернобровый,
Что живёт от нас невдалеке,
Монолог Бориса Годунова
Знает на чувашском языке.

И на всех наречьях горделиво
Призывает Пушкин нас с тобой
Наших душ прекрасные порывы
Посвятить Отчизне дорогой.

Перевёл с татарского
Лев Гинзбург

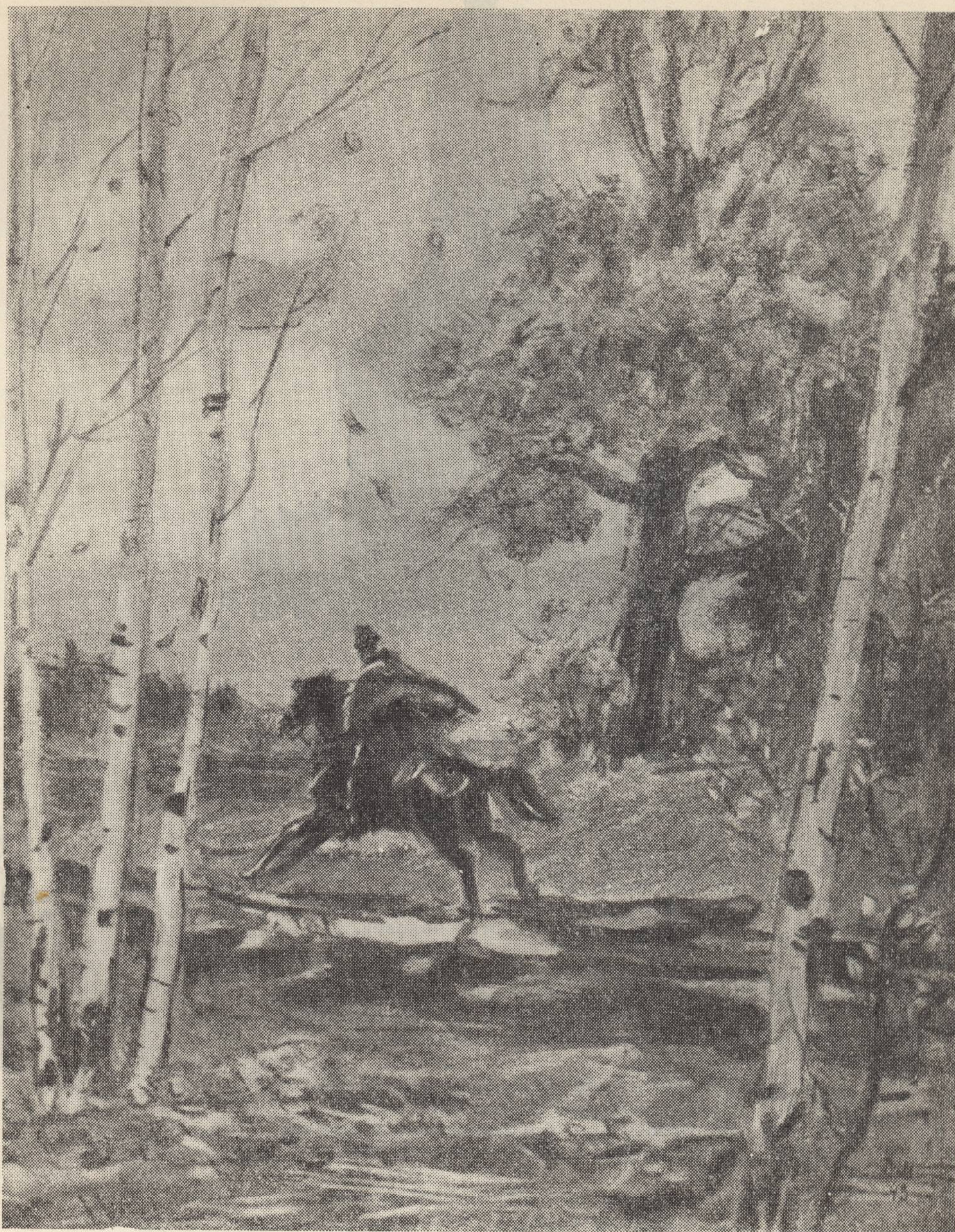
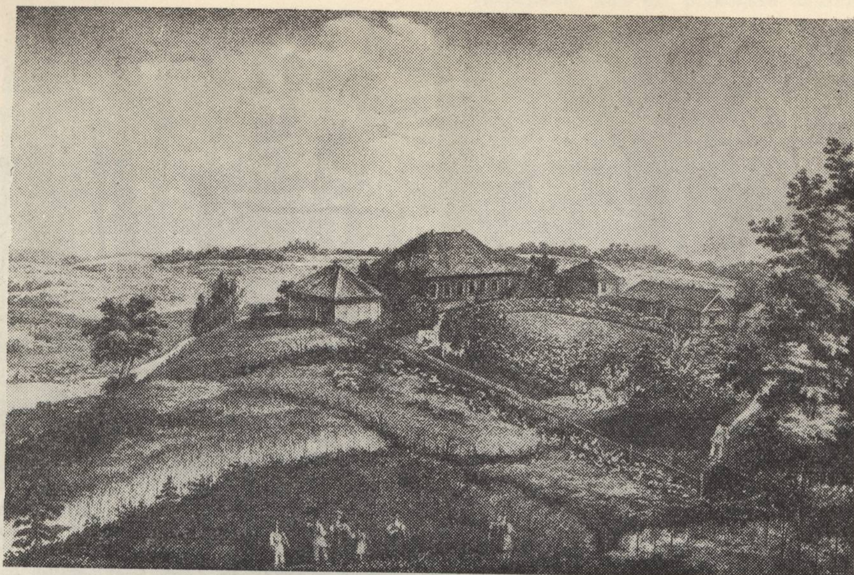

Рис. Д. Шмаринова

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом
Махая гривою он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол, и трескается лед...

«Осень»

Многие художники работают сейчас над иллюстрациями к произведениям Пушкина. С некоторыми из новых работ наших художников мы знакомим вас в этом номере журнала. Книги с этими иллюстрациями выходят в Детгизе и в Гослитиздате.

ПУШКИН в Михайловском

(1824—1826 годы)

Иван Новиков

Пушкин весною 1820 года был выслан из Петербурга на Юг за свои политические и вольнолюбивые стихи. Этой ссылкой правительство думало «образумить» молодого поэта. Но гений его продолжал укрепляться и возрастать. Последний год южной своей ссылки поэт проводил у моря, в Одессе. Только что назначенный туда генерал-губернатором граф Воронцов держал себя с Пушкиным, как вельможа с мелким чиновником. Пушкин отвечал ему ядовитыми эпиграммами. Наконец Воронцов добился того, что Пушкина из Одессы отправили в ссылку в северную, Псковскую, губернию, в село Михайловское, принадлежащее его родителям.

Пушкин ехал в Михайловское, томимый противоречивыми настроениями. Он покидал, наконец, ту ненавистную ему обстановку, где он был связан с Воронцовым как его подчинённый. С каждым днём приближался он к местам, которые были ему близки с отроческих лет. Он любил простую нашу северную природу, по которой не раз вздыхал в знойные дни южного своего бытия, но, с другой стороны, в ушах ещё слышен был шум моря, этой стихии, глубоко ему родственной.

В стихотворении «К морю» он писал:

«В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн».

В Михайловском Пушкин застал всю семью: родителей, сестру и младшего брата Льва. Как только выяснилось, что Александр находится на положении поднадзорного, отношения с отцом сразу омрачились. Местные власти предложили Сергею Львовичу наблюдать за сыном и за его перепиской, и когда Александр узнал всё это, произошла ссора, окончившаяся тем, что сын переехал на время к соседям в Тригорское, а отец в скором времени вернулся со всей семьёй в Петербург. С ними вместе уехал и Никита Козлов, пушкинский дядька, служивший

Дорога в Михайловское. Литография П. Ванеева

ему верой и правдой всю пору южной ссылки, опекавший его и оберегавший, как Савельич в «Капитанской дочке» оберегал Петра Андреевича Гринёва.

Пушкин теперь оставался один.

Но Пушкин не был совсем одинок: в Тригорском, в двух — трёх верстах от него, жили очень милые его соседи — Прасковья Александровна Осипова с дочерьми. С этим семейством у Пушкина были самые близкие и самые простые отношения. Сама Осипова души в нём не чаяла, а две дочери — старшая Анна Николаевна, задумчивая и мечтательная, и младшая, бедовый подросток Зизи — были похожи на Татьяну и Ольгу из «Евгения Онегина»: точно он их сам себе нагадал, когда писал вторую и третью главу своего романа в стихах, хотя, конечно, они были во многом и иные.

И, наконец, в Михайловском была няня поэта, Арина Родионовна, та самая, которая выпестовала его в детстве, у которой в Захарове пил он «душистый чаёк», которая так тосковала без него в лицейские годы и позже — в годы вынужденной разлуки. Теперь они жили в Михайловском вдвоём, и она оберегала его, умеючи, от всякого лишнего беспокойства, обеспечивала нерушимость мирной его, уединённой деревенской жизни.

Парк переходил в лес, неподалёку от дома прилетал на любимое дерево каждый год аист. Внизу, перед домом, — озеро и Сороть, спокойная серебряная река, неслышно плывущая вдаль. Дома — книги, тетради, покой.

«Знаешь ли мои занятия? — писал Пушкин брату Льву.— До обеда пишу записки, обедаю поздно, после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма».

В Михайловском, кроме небольшого барского дома, был ещё и совсем крохотный флигелёк, известный под именем «домика няни». Там печка с лежанкой, кот, ставни, соломенная кровля. Все мы с детских лет помним эти стихи:

«Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна,
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?»

Гораздо меньше известны стихи поэта Н. М. Языкова, приезжавшего в Тригорское и часто бывавшего в Михайловском.

Уже после смерти Арины Родионовны, в 1830 году, Языков посвятил стихотворение её памяти. В нём очень точно даётся самая обстановка пушкинской жизни в Михайловском и изумительная характеристика няни:

«Вон там — обоями худыми
Где-где прикрытая стена,
Пол нечиненный, два окна
И дверь стеклянная меж ними;
Диван под образом в углу,

Да пара стульев...

. . . .

И мы... Как детство шаловлива,
Как наша молодость вольна,
Как полнолетие умна,
И как вино красноречива,
Со мной беседовала ты,
Влекла мое воображенье...
И вот тебе поминовенье,
На гроб твой свежие цветы!»

Разумеется, не одна няня с её сказками, песнями (между прочим и о Стеньке Разине), рассказами о старине, но и весь деревенский мирок, его окружавший, питали естественную жажду общения с народом. Пушкин не был похож на тех господ, которых надо было дичиться — с ним можно было поговорить и попросту. Он любил сделать доброе дело так, чтобы не знали, что это сделал он.

Сохранились свидетельства о том, как Пушкин бывал на ярмарке в Святогорском монастыре. О странном ссыльном барине тут же сочинялись легенды. Один очевидец пишет: «У него была надета на голове соломенная шляпа — в ситцевой красной рубашке, опоясавши голубою ленточкою с железною в руке тростию с предлинными чор. бакинбардами, которые более походят на бороду так же с предлинными ногтями, с которыми он очищал шкорлупу в апельсинах и ел их с большим аппетитом я думаю около полудюжины». Так не сильно грамотно, но с большою точностью описал Пушкина торговец Лапин, видевший поэта 29 мая 1825 года, «в девятую пятницу». А очевидцы-старожилы много спустя рассказывали про ту же самую ярмарку, уже перекрасив рубаху Пушкина: «...одетый в крестьянскую белую рубаху с красными ластовками, опоясанный красною лентою, с таковою же — и через плечо».

Впрочем, Пушкин позволил себе такую вызывающую вольность в туалете, кажется, всего лишь единственный раз с целью подразнить расфуфыренных бар, съехавшихся на праздник.

В Михайловском Пушкин написал «Бориса Годунова» и новые главы «Евгения Онегина» — четвёртую, пятую и шестую. С детства поразившие его образы Годунова и беглого монаха-самозванца не умерли в нём и не заслонились другими образами, которые проходили за это время в творческом воображении поэта. Они неспешно в нём созревали, как бы выжидая благоприятных условий для своего окончательного оформления.

С отъездом родных всё вошло в более тихое, а следовательно, и в более благоприятное для творчества русло. Осень была всегда особенно благоприятной для творчества Пушкина порой. В эту первую осень он не так много писал, как много работал над предварительным уяснением самому себе своих новых замыслов — необходимый и творчески очень важный этап.

В письме к одному из своих друзей он так писал о работе своей над «Борисом Годуновым»: «Я в полном одиночестве: единственная соседка, у которой я бывал, уехала в Ригу, и у меня буквально нет другого общества, как только моя старая няня и моя трагедия; последняя подвигается вперёд, и я доволен ею... Я пишу и думаю... Я чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития и что я могу творить».

Пушкин писал «Бориса Годунова» около года. Он работал не только над книгами и над летописями, не только склонившись над рабочей своей тетрадью; мысли его, как это бывает всегда, когда идёт напряжённая и «неотступная» творческая работа,— мысли эти сопровождали его и во время прогулок, которые он так любил, и когда он бывал в обществе, а порой и во сне.

Так было со сценою из «Бориса Годунова». «Пушкин сказывал Нащокину (своему московскому другу), что сцену у фонтана он сочинил, едучи куда-то на лошади верхом. Приехав домой, он не нашёл пера, чернила высохли, это его раздосадовало, и сцена была записана не раньше, как недели через три; но в первый раз сочинённая им, она, по собственным его словам, была несравненно прекраснее».

Пушкин ездил из Михайловского в Псков — город, похожий на старинную воздушную сказку, рассказанную белыми стенами псковских монастырей, древним кремлём, рекою Великой. Детские впечатления от московского кремля должны были живо возникнуть в воспоминаниях Пушкина. А кроме того, в старых русских городах вообще самое сознание того, что история проложила здесь свои памятные тропы, делает зорче творческое воображение художника.

О работе Пушкина над «Борисом Годуновым» долгое время не знали даже ближайшие его друзья. Но с тем бо́льшим интересом ждали они случая познакомиться с нею.

Сам Пушкин писал о ней князю Вяземскому так: «Жуковский говорит, что царь простит меня за трагедию,— навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпаком юродивого. Торчат!» «Уши» действительно «торчали». Так, царь просит юродивого помолиться за него, а тот отвечает:

Дуб уединенный. Село Михайловское.

Литография П. Ванеева

«Нельзя молиться за царя-Ирода — богородица не велит».

Некоторые места могли производить впечатление намёков на причастность императора Александра к убийству Павла, его отца. Не очень-то приятно также было бы царю прочитать такой разговор. Басманов успокаивает Годунова:

«Всегда народ к смятенью тайно склонен:
Так борзый конь грызет свои бразды;
На власть отца так отрок негодует;
Но что ж? конем спокойно всадник правит,
И отроком отец повелевает».

Но Годунов возражает:

«Конь иногда сбивает седока,
Сын у отца не вечно в полной воле...»

«Борис Годунов» вышел из-под пера Пушкина столь совершенным и именно русским созданием, что после прочтения его физически кажется, что, преодолев толщу времён, ты и в самом деле дышал воздухом той отдалённой эпохи.

жный период пушкинского «изгнания» (это его собственный термин) существенно отличался от периода Михайловского тем, что там поэт исключительно много передвигался, наслаждался самым движением по необъятным просторам родной земли, здесь же он был вынужден пребывать на одном месте, ограничиваясь редкими поездками в Псков.

Мечтою Пушкина было возвратиться в столицу, получить свободу передвижения, возможность отдаться любимому своему призванию.

Но и в одиночестве своём деревенском Пушкин не прерывал сношений с внешним миром. Его переписка за эти два года пребывания в Михайловском особенно обширна и интересна; посещали его и друзья: лицейские товарищи Пущин и Дельвиг, а также «буйный» Языков.

Особенно взволновал поэта приезд И. И. Пущина, самого близкого с детских лет друга. Пущин, член тайного общества, будущий декабрист, точно бы проститься приехал — перед своей ссылкой в Сибирь...

В своих «Записках» И. И. Пущин подробно описывает этот свой короткий, но необычайно волнующий заезд к опальному поэту. О чём только они не переговорили! Пушкин несколько раз повторял, что ему всё ещё не верится, что они вместе... Он рассказывал и о себе, что с музой живёт в ладу и трудится охотно и усердно.

Пущин привёз своему другу ценный подарок — список комедии Грибоедова «Горе от ума». После обеда няня подала им кофе, и Пушкин не удержался — начал читать комедию вслух. Чтение это было, однако же, прервано появлением рыжеватого монаха, настоятеля монастыря: Пушкин состоял под его наблюдением, и тот заглянул проверить, что за гость такой и по какому случаю прибыл...

А ещё днём, до обеда, незаметно зашёл разговор и о тайном обществе. Тайны этой Пушкину не открывали, и не потому, конечно, что не доверяли ему, а потому, что не хотели его подвер-

сать тем опасностям, с какими было сопряжено пребывание в обществе. Все знали, какое огромное дело делает Пушкин своими политическими стихами, и не будучи в тайном обществе.

«Между тем время шло за полночь. Нам подали закусить: на прощанье хлопнула третья пробка. Мы крепко обнялись... Ямщик уже запряг лошадей, колоколец брякнул у крыльца, на часах ударило три. Мы ещё чокнулись стаканами, но грустно пилось: как будто чувствовалось, что последний раз вместе пьём... Молча я набросил на плечи шубу и убежал в сани. Пушкин ещё что-то говорил мне вслед; ничего не слыша, я глядел на него: он остановился на крыльце, со свечою в руке. Кони рванули под гору. Послышалось: «Прощай, друг!»

И в самом деле, больше они не видались.

Вскоре произошло восстание декабристов. Весть о его неудаче Пушкин переживал с крайним напряжением всех своих внутренних сил. Но он не согнулся и не сломался. Когда он был вызван новым императором в Москву, он увозил с собой в бумажнике стихотворение «Пророк», хранящее следы его душевного потрясения, но кончающееся могучим призывом:

«И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!»

Пушкин не только готов был разделить судьбу декабристов, но он чувствовал в себе силы продолжать их дело своим пророческим, общественно-поэтическим словом.

Пущин в гостях у Пушкина в селе Михайловском.

Картина Н. Ге

* * *

Мой первый друг, мой друг бесценный,
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье,
Да голос мой душе твоей
Дарует тоже утешенье!
Да озарит он заточенье
Лучем лицейских ясных дней!

«И. И. Пущину»

Рис. М. Родионова

Погода пуще свирепела,
Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,

И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась... Пред нею
Все побежало...

«Медный всадник»

Рис. А. Пластова

«...Гей, добрый человек!» — закричал ему ямщик. «Скажи, не знаешь ли где дорога?» «Дорога-то здесь; я стою на твердой полосе, отвечал дорожный, да что толку?»

Рис. М. Родионова

...На белом коне ехал человек в красном кафтане с обнаженной саблею в руке: это был сам Пугачев.

«Капитанская дочка»

Рис. Н. Ильина

Зимний вечер

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна. —
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя, где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

* * *

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя,
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь...

* * *

Я сам не рад болтливости своей,
Но детских лет люблю воспоминанье.
Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шопотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.

Пушкин очень любил свою няню, Арину Родионовну. С ней были связаны у него самые тёплые воспоминания. Она пленяла его своими чудесными сказками в детстве, она скрашивала его одиночество во время ссылки в Михайловское.

В долгие зимние вечера Арина Родионовна рассказывала Александру Сергеевичу сказки, пела песни.

«Слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; она — единственная моя подруга, и с нею только мне не скучно...» — писал Пушкин брату из Михайловского.

Пушкин перенёс в свои произведения многие образы из няниных сказок. Он всегда с большой теплотой вспоминал Арину Родионовну, посвящал ей стихи. Некоторые из этих стихотворений здесь напечатаны.

Рис. Д. Шмаринова

Дубровский приблизил лучину, сено вспыхнуло, пламя взвилось — и осветило весь двор.

— Ахти, — жалобно закричала Егоровна, — Владимир Андреевич, что ты делаешь.

— Молчи, — сказал Дубровский. — Ну, дети, прощайте, иду, куда бог поведет; будьте счастливы с новым вашим господином.

— Отец наш, кормилец, — отвечали люди, — умрем, не оставим тебя, идем с тобою.

Лошади были поданы...

«Дубровский»

ПУШКИН И ЦАРСКАЯ ЦЕНЗУРА

Б. Шатилов

Если вы посмотрите сочинения Пушкина, изданные в прошлом столетии, то вы не найдёте в них многих стихотворений — и как раз тех, которые сейчас печатаются во всех хрестоматиях и заучиваются наизусть. Вы не найдёте ни «Вольности», ни «Деревни», ни «К Чаадаеву», ни «Кинжала», ни послания к декабристам «В Сибирь».

В других же произведениях Пушкина вы найдёте пропуски, ряды точек вместо стихов, а в третьих — такие переделки и искажения, которые разрушают самое главное — политическую направленность этих произведений.

Неполнота изданий, пропуски и искажения, конечно, меняли весь характер творчества Пушкина, и долгие годы русский народ знал Пушкина не таким, каким мы знаем его теперь. Царская цензура усердно трудилась над тем, чтобы извратить образ «непокорного» поэта, чтобы скрыть от народа то, за что мы больше всего сейчас ценим Пушкина и чем больше всего гордился сам Пушкин.

«Что в мой жестокий век восславил
я свободу...»

Вот чем гордился Пушкин, вот что считал он своей главной заслугой, своим главным подвигом, достойным бессмертной славы; и именно те произведения, в которых он славил свободу, восставал против жестокой тирании царей и рабства крепостных крестьян, долгие годы оставались под запретом царской цензуры.

Цензурному гонению Пушкин подвергся с первых же лет своей литературной деятельности. Гонение это особенно усилилось, когда в мае 1820 года царь Александр I выслал Пушкина из Петербурга на Юг. Уже одно имя опального поэта настораживало, пугало цензоров, и они глупо и вздорно вычёркивали, запрещали печатать даже то, на что и внимания не обратили бы, если бы на рукописи не стояло имя Пушкина.

Пушкин знал это и вынужден был некоторые свои стихотворения печатать без подписи, например, «К Овидию», где он говорит о ссылке, о своей участи, равной мрачной участи Овидия, тоже изгнанного когда-то императором Октавианом из Рима в далёкую Скифию, на берег Чёрного моря. Таким образом, ему удавалось обмануть свою «старинную приятельницу», бестолковую «старушку» — цензуру.

Письма Пушкина к друзьям из Кишинёва и Одессы полны жалоб на цензуру и цензоров. Но Пушкин никогда не удовлетворялся одними жалобами. Тогда же в Кишинёве, в 1822 году, он написал «Послание цензору» — едкую сатиру на цензурных чиновников, гонителей просвещения и в списках пустил её «гулять по свету». Эта сатира была напечатана только в 1857 году, спустя двадцать лет после смерти Пушкина.

В 1826 году царь Николай I вернул Пушкина из ссылки из села Михайловского и в виде особой милости объявил ему, что он сам будет его цензором.

Цензура царя оказалась ещё тяжелее, чем обычная цензура. Если скудоумный цензор запрещал или вычёркивал что-нибудь, с ним можно было спорить, на него можно было жаловаться министру народного просвещения, а как спорить с царём и кому на него жаловаться? Кроме того царская «милость» не всегда освобождала Пушкина от обычной цензуры, и таким образом Пушкин оказался под двойной цензурой: царя и Цензурного комитета.

Летом 1831 года Пушкин жил с женой на даче в Царском Селе. Там в кругу близких друзей, среди которых были Жуковский и молодой Гоголь, он прочитал «Сказку о попе и о работнике его Балде». Гоголь и особенно Жуковский с восторгом слушали новую сказку Пушкина, восхищались её простотой, юмором, её подлинно народным духом.

И в самом деле, это одна из самых русских, самых народных сказок Пушкина. В ней Пушкин очень верно выразил взгляд русского народа на попов.

Попы были опорой царей. Они проповедовали, что царская власть установлена самим богом и потому нерушима и священна. Они призывали народ к терпению, смирению и повиновению властям,— словом, усердно трудились над тем, чтоб притушить ненависть угнетённых крепостных крестьян к своим угнетателям, удержать их от грозных восстаний.

А сами-то попы жили совсем не так, как проповедовали. Их лицемерие и неправда возмущали

народ. Он жаждал справедливости, сурового возмездия и слагал смешные, остроумные сказки, в которых высмеивались жадные попы и над ними всегда брали верх честные, сметливые труженики-батраки.

Пушкин знал и любил эти сказки. Одну из них, «О попе и о работнике его Балде», он записал, а потом обработал в стихотворной форме.

Пушкин не был религиозным человеком. Поп в его сказке — жадный, бессердечный, бесчестный, глупый, настоящий «толоконный лоб». А батрак Балда у Пушкина — это русский труженик-богатырь, мастер на все руки. Он умён и сметлив, не боится ни работы, ни чертей и ничего на свете.

«Сказку о попе и о работнике его Балде» Пушкин даже и не пытался напечатать, знал: цензура не пропустит. Уже после его трагической смерти, когда друзья поэта издавали собрание его сочинений, Жуковский решил издать и сказку о попе. Чтобы пропустила цензура, он вынужден был попа заменить купцом Кузьмой Остолопом, и сказка была напечатана под заглавием «Сказка о купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде».

В переделке Жуковского сказка Пушкина потеряла всю свою политическую остроту.

Исчезла кое-где выразительность. У Пушкина сказка начинается энергично, сжато, весело:

«Жил-был поп,
Толоконный лоб».

А у Жуковского тяжело и длинно:

«Жил-был купец Кузьма Остолоп,
По прозванью Осиновый Лоб».

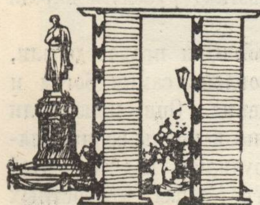
У Пушкина: «Щелк щелку ведь розь» звучит очень выразительно.

«Щелк» Жуковский заменил уменьшительным словом «щелчок»:

«Щелчок щелчку ведь розь».

Из сказки исчезла суровая мужественность стиха Пушкина. Сказка стала вялой, тусклой по форме и потеряла свой боевой, политический смысл.

В таком искажённом виде она печаталась долгие годы и только в 1882 году впервые была напечатана по рукописи.

Пушкин всегда живо интересовался народными восстаниями, изучал их и описывал в своих произведениях. В 1833 году он написал повесть «Дубровский», о восстании крепостных крестьян, и сейчас же задумал написать роман «Капитанская дочка» о восстании Пугачёва и одновременно — «Историю Пугачёва», научный труд без всякого вымысла. Чтоб собрать материал для нового романа и «Истории Пугачёва», 18 августа 1833 года он выехал из Петербурга на лошадях в далёкое путешествие — в Казань, Симбирск, Оренбург, где действовал когда-то Пугачёв. Как раз в этот день на Петербург налетела страшная буря. Лил дождь, и ветер дул с моря. Когда Пушкин подъехал к Троицкому мосту, Нева клокотала, вздувалась, ревела, билась о гранитные берега и была так высока, что разводной деревянный мост стоял дыбом. При въезде на мост полицейские протянули верёвку и не пропускали экипажи.

Пушкину не хотелось возвращаться домой. Он приказал кучеру ехать по набережной вверх по Неве, и ему, наконец, удалось переехать реку по другому мосту. Буря валила деревья. На Царскосельском проспекте Пушкин насчитал с полсотни сваленных деревьев. Всюду были лужи, и все они волновались, кипели и пенились.

Пушкин побывал в Оренбурге, в Уральске, в станице Берды — бывшей столице Пугачёва, всюду записывал песни, рассказы стариков и старух, которые видели Пугачёва своими глазами и хорошо его помнили.

В конце сентября Пушкин выехал из Оренбурга в обратный путь, и 1 октября он был уже в Нижегородской губернии, в селе Болдине, в имении своего отца, и там в тишине и уединении принялся за работу. Голова его была полна замыслов. Образ кипящей, бунтующей Невы и над нею «Медный всадник» — памятник Петру I — неотступно стояли перед ним со дня выезда из Петербурга и теперь тесно переплетались с образами народного возмущения, восстания Пугачёва.

Царь и народ, непримиримые противоречия между ними опять приковали к себе все мысли Пушкина. Эти противоречия волновали его ещё в 1825 году в ссылке, в селе Михайловском, когда он работал над трагедией «Борис Годунов». Теперь, в Болдине, они снова охватили его, и он написал одно из самых совершенных своих произведений, «Петербургскую повесть» в стихах — «Медный всадник».

Конь без всадника.
Рисунок А. Пушкина

Пушкин высоко ценил Петра I, как государственного деятеля, но горячо возмущался его деспотизмом, жестокостью, тем, что он расправлялся с народом, как «нетерпеливый, самовластный помещик». В «Медном всаднике» он искренно

восхвалял Петра — строителя Петербурга, строителя России, и тому же Петру, но деспоту, «самовластному помещику», отчаявшийся, обезумевший от страданий бедный чиновник Евгений бросает в лицо пророческое и грозное: «Ужо тебе!»

В эти два коротких слова Пушкин вложил свою великую веру в то, что неизбежно настанут времена, когда переполнится гнев народа, выйдет из берегов, как бунтующая Нева, и смоет самодержавие.

Пушкин высказывал свои мысли не только в словах, но часто и в рисунках.

В 1829 году, по возвращении из путешествия в Арзрум, Пушкин работал над поэмой «Тазит» — о том, как должны измениться дикие нравы горцев с развитием просвещения: исчезнет родовая месть, исчезнут грабежи и т. п. Рядом со стихами Пушкин нарисовал фальконетовский памятник Петру — коня, вскинувшегося на дыбы, но без Петра, без «Медного всадника». Этот рисунок как бы договаривает то, чего не договорил Пушкин в «Тазите»: что с развитием просвещения исчезнет не только дикость нравов, но и рабство народов и царская власть, и лишний раз подчёркивает прямую связь мыслей Пушкина, «упрятанных» в «Бориса Годунова», с «Медным всадником»: «Конь иногда сбивает седока...»

В конце ноября 1833 года Пушкин приехал в Петербург и вскоре послал «Медного всадника» своему цензору — царю Николаю I. 14 декабря он записал в дневнике: «Мне возвращён «Медный всадник» с замечаниями государя. Слово «кумир» не пропущено высочайшей цензурой; стихи

«И перед младшею столицей
Померкла старая Москва
Как перед новою царицей
Порфироносная вдова»

вымараны. На многих местах поставлен (?)...»

Это очень огорчило Пушкина. Он попробовал было спасти свою повесть, переделать в ней кое-что и бросил. Царские крючки стояли против центрального места повести:

«Кругом подножия кумира
Безумец бедный обошел
И взоры дикие навел
На лик державца полумира.
Стеснилась грудь его. Чело
К решетке хладной прилегло,
Глаза подернулись туманом.
По сердцу пламень пробежал,
Вскипела кровь. Он мрачен стал
Пред горделивым истуканом
И зубы стиснув, пальцы сжав,
Как обуянный силой черной,

Из новых иллюстраций к Пушкину

Рис. П. Соколова-Скаля

**Учись, мой сын: наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни...**

«Борис Годунов»

Гравюра В. Фаворского

**Да! если бы все слезы, кровь и пот,
Пролитые за все, что здесь хранится,
Из недр земных все выступили вдруг,
То был бы вновь потоп...**

«Скупой рыцарь»

«Добро, строитель чудотворный!»
Шепнул он злобно задрожав.
«Ужо тебе!..»

В этих стихах основная идея «Медного всадника». Можно ли их переделать, не извратив главного — острой, политической направленности повести, что больше всего ценил в ней Пушкин? Так она и осталась ненапечатанной при жизни Пушкина. Уже после его смерти, в конце 1837 года, Жуковский напечатал её в журнале «Современник» с такой переделкой самых важных строк:

«Безумец бедный обошел
Кругом скалы с тоскою дикой,
И надпись яркую прочел,
И сердце скорбию великой
Стеснилось в нем. Его чело
К решетке хладной прилегло,
Глаза подернулись туманом...
По членам холод пробежал
И вздрогнул он — и мрачен стал
Пред дивным Русским Великаном.
И перст свой на Него подняв,
Задумался».

Здесь всё как бы вывернуто наизнанку и сейчас звучит для нас, как кощунственная пародия на Пушкина.

Из «Медного всадника» исчезла главная идея, и повесть потеряла свой глубочайший смысл. Это не вина Жуковского, горячо любившего Пушкина, а вина царской цензуры, сквозь которую Жуковский хотел любыми путями провести лучшую поэму Пушкина.

За полгода до смерти, 21 августа 1836 года, Пушкин, как бы подводя итог своей многолетней и многотрудной литературной деятельности, написал стихотворение «Памятник». В нём свою славу поэта он противопоставляет славе царя.

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа».

«Александрийский столп» — памятник Александру I — гигантская гранитная колонна, увенчанная бронзовым ангелом, попирающим крестом змею, был открыт в Петербурге на Дворцовой площади 30 августа 1834 года. Пушкин тогда был камер-юнкером и обязан был присутствовать на этом «торжестве». Но он не любил своего гонителя, царя Александра, и за пять дней до открытия памятника нарочно уехал из Петербурга.

Жуковский присутствовал на «торжестве» и в том же году подробно описал его в статье «Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 года». Возвеличивая Александра I, он писал о единении царя с народом.

Пушкин знал и статью и стихи Жуковского, но не разделял его мыслей. Во время путешествия в Арзрум он своими глазами видел жалкую жизнь угнетённых черкесов, татар и «бойцов закавказских», видел следы жестокой царской политики на Кавказе.

И Пушкин в «Памятнике» возражает Жуковскому. Русский, калмык, финн сохранят в памяти не царя-угнетателя, которого они никогда не любили и не могли любить, а того, кто защищал и славил их свободу:

«Слух обо мне пройдет по всей Руси
великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и фин, и ныне
дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.
И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал».

«Памятник» Пушкин не печатал, да и не мог напечатать: царь не разрешил бы. Напечатал его Жуковский уже после смерти поэта, заменив «Александрийский столп» «Наполеоновым столпом», уничтожив тем самым гордое противопоставление славы гонимого поэта славе его гонителя царя Александра. Самый важный стих, в котором Пушкин говорит о главном подвиге поэта-гражданина:

«Что в мой жестокий век восславил
я свободу...»

Жуковский переделал:

«Что прелестью живой стихов я был
полезен...»

Подвиг великого борца за свободу народную исчез. По воле царской цензуры Пушкин гордился только «прелестью стихов», поэтической формой, тем, чем он на самом деле никогда не гордился.

С таким искажением стихи были высечены на постаменте памятника Пушкина, поставленном великому поэту в Москве на Тверском бульваре в 1880 году. И только после Октябрьской революции на нём были восстановлены подлинные стихи Пушкина.

В СИБИРЬ

Послание декабристам

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье,
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

А. Пушкин

Ответ декабристов на послание А. С. Пушкина

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли!
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.

Но будь покоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя —
И православный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы
И с нею грянем на царей,
И радостно вздохнут народы.

А. Одоевский

о великом поэте

(Из высказываний писателей о Пушкине)

Мое время прошло... Скоро явится свету второй Державин: это Пушкин, который уже в лицее перещеголял всех писателей.

Слова Державина, записанные С. Т. Аксаковым

Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокоторжественный день, в который он окончил свою поэму «Руслан и Людмила».

В. А. Жуковский

(Надпись на портрете, подаренном Пушкину 26 марта 1820 года.)

Рылеев обнимает Пушкина и поздравляет с «Цыганами». Они совершенно оправдали наше мнение о твоем таланте. Ты идешь шагами великана и радуешь истинно русские сердца. Я пишу к тебе ты, потому что холодное вы не ложится под перо; надеюсь, что имею на это право и по душе, и по мыслям. Пущин познакомит нас короче. Прощай, будь здоров и не ленись: ты около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы; настоящий край вдохновения — и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы?

К. Ф. Рылеев

(Из письма к Пушкину.)

При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в конечном его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла.

Ничего не предпринимал, ничего не писал я без его совета. Все, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему. И теперешний труд мой есть его создание. Он взял с меня клятву, чтобы я писал, и ни одна строка его не писалась без того, чтобы он не являлся в то время очам моим. Я тешил себя мыслью, как будет доволен он, угадывал, что будет нравиться ему, и это было моею высшею и первою наградою.

Н. В. Гоголь

Пушкин принадлежал к числу тех творческих гениев, тех великих исторических натур, которые, работая для настоящего, приуготовляют будущее, и по тому самому уже не могут принадлежать только одному прошедшему.

В. Г. Белинский

В 1837 году Пушкин был убит на дуэли одним из тех иностранных драчунов-забияк, которые, как средневековые наемники или швейцарцы наших дней, отдают свою шпагу за деньги к услугам любого деспотизма. Он пал в полном расцвете сил, не окончив своих песен, не досказав того, что имел сказать.

За исключением двора и его приближенных, весь Петербург плакал; только тогда стало видно, какую популярность приобрел Пушкин. Во время его агонии, вокруг его дома теснилась плотная толпа, чтобы справляться о здоровье. Так как это происходило в двух шагах от Зимнего дворца, то император мог из своих окон видеть толпу; он приревновал ее и конфисковал у публики похороны поэта: в морозную ночь тело Пушкина, окруженное жандармами и полицейскими, тайком перевез-

ли не в его приходскую, а в совершенно другую церковь; там священник поспешно отслужил заупокойную обедню, и сани увезли тело поэта в монастырь Псковской губернии, где находилось его именье. Когда обманутая таким образом толпа направилась к церкви, куда был отвезен покойник, снег уже замел все следы погребального шествия.

Ужасная, черная судьба выпадает у нас на долю всякого, кто осмелится поднять голову выше уровня, начертанного императорским скипетром; поэт ли, гражданин, мыслитель, — всех их неумолимый рок толкает в могилу.

Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос в отдаленное будущее. Поэзия Пушкина была залогом и утешением.

А. И. Герцен

До Пушкина не было в России истинных поэтов, русская публика знала поэзию только по слухам, из переводов или по слабым опытам, в которых искры поэзии гасли в пучинах реторики или льдах внешней холодной отделки. Пушкин дал нам первые художественные произведения на родном языке, познакомил нас с неведомою до него поэзиею.

Н. Г. Чернышевский

Значение Пушкина огромно не только в истории русской литературы, но и в истории русского просвещения. Он первый приучил русскую публику читать, и в этом состоит величайшая его заслуга. В его стихах впервые сказалась нам живая русская речь, впервые открылся нам действительный русский мир. Все были очарованы, все увлечены мощными звуками этой неслыханной до тех пор поэзии.

Н. А. Добролюбов

Не следует забывать, что ему одному пришлось исполнить две работы, в других странах разделенные целым столетием и более, а именно: установить язык и создать литературу.

И. С. Тургенев

Вы не поверите, что я с восторгом, давно уже мною не испытываемым, читал это последнее время, после вас — повести Белкина, в седьмой раз в моей жизни. Писателю надо не переставая изучать это сокровище. На меня это новое изучение произвело сильное действие.

Л. Н. Толстой

(Из письма к Голохвастову от 30 марта 1874 года.)

Пушкин до того удивил меня простотой и музыкой стиха, что долгое время проза казалась мне неестественной, и читать ее было неловко. Пролог к «Руслану» напоминал мне лучшие сказки бабушки, чудесно сжав их в одну, а некоторые строки изумляли меня своей чеканной правдой:

— Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей —

мысленно повторял я чудесные строки и видел эти, очень знакомые мне, едва заметные тропы, видел таинственные следы, которыми примята трава, еще не стряхнувшая капель росы, тяжелых, как ртуть. Полнозвучные строки стихов запоминались удивительно легко, украшая празднично все, о чем говорили они; это делало меня счастливым, жизнь мою — легкой и приятной, стихи звучали, как благовест новой жизни. Какое это счастье — быть грамотным!

Пушкин был первым русским писателем, который обратил внимание на народное творчество и ввел его в литературу, не искажая — в угоду государственной идее «народности» — лицемерным тенденциям придворных поэтов — он украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменным их смысл и силу.

Возьмите сказку «О попе и работнике Балде», о Золотом петушке, о Царе Салтане и т. д., во всех этих сказках насмешливого, отрицательного отношения народа к попам и царям Пушкин не скрыл, не затушевал, а напротив, оттенил еще более резко.

А. М. Горький

наша ПОЧТА

Там, где жил Пушкин

Имение бабушки

Свежее августовское утро. Мы с песней шагаем по Звенигородскому шоссе. По обеим сторонам стоят величавые сосны, ласково кивая нам верхушками.

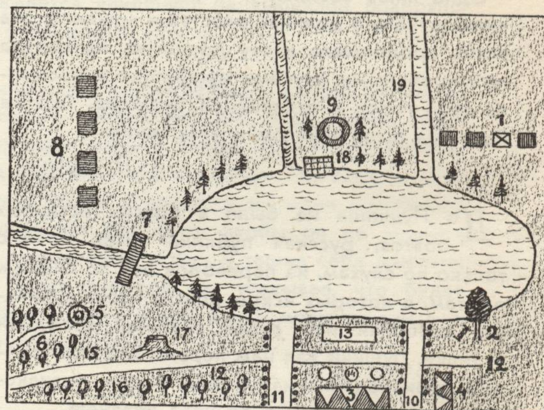
Мы идём в Захарово, в подмосковное имение Пушкиных. Здесь очень живописные места: берёзовые и сосновые леса чередуются с золотом нив и нежной зеленью лугов.

Вот и пруд и узенькая речка Синичка «с мостом и рощею тенистой».

Мы рассыпались по роще и обошли древние берега пруда. Пышные кроны клёнов и теперь, как прежде, отражаются в его зеркальных водах. И, глядя на них, нам невольно вспомнились стихи поэта:

«Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами, в реке волнистой
С мостом и рощею тенистой,
Зерцалом вод отражено.
На холме домик мой, с балкона
Могу сойти в веселый сад,
. . . .
Где старых кленов темный ряд
Возносится до небосклона,
И глухо тополи шумят...»

Директор Захаровской школы показал нам план усадьбы Пушкиных. Он нашёл его ещё в первые годы Октябрьской революции в доме помещицы Абакумовой, соседки Пушкиных. По рассказам Дмитрия Николаевича мы представили, какой была усадьба Пушкиных почти полтораста лет назад.

Ада Михалевская перерисовала план усадьбы Пушкиных в свой альбом. На плане отмечены: 1. Дом, где жила дочь няни Пушкина. 2. Любимая скамья Пушкина у дуба. 3. Дом Марии Алексеевны Ганнибал. 4. Детский флигель. 5. Беседка. 6. Ручей. 7. Запруда. 8. Избы крестьян. 9. Дом помещицы Абакумовой. 10—11—12. Аллеи тополей. 13. Крокетная площадка. 14. Цветочные клумбы. 15—16. Берёзовая роща. 17. Старые пни. 18. Купальня. 19. Река Синичка.

Вот дом бабушки Пушкина Марии Алексеевны Ганнибал. Его крыша выкрашена красными и зелёными квадратами — так в старину красили барские дома. Правее детский флигель со стеклянной террасой. В нём жили, приезжая к бабушке на лето, дети Пушкиных: Александр, Ольга и Николай. Прямо перед домом цветник и крокетная площадка. Отсюда идут дорожки к пруду. Густая берёзовая рощица шумела слева от дома. Там, среди белых берёзок, стояла беседка, где любил бывать Пушкин, а рядом журчал ручеёк. Чьи-то старательные руки не забыли и его указать в плане.

Сейчас деревня Захарсво очень большая, а при жизни Пушкиных она состояла из восьми домов. Четыре из них стояли у запруды, ближе к дороге, а осталь-

В Больших Вязёмах есть старый высохший дуб. Ему больше двухсот лет. При жизни Пушкина он шумел своей зеленой кроной.

А это пруд в деревне Захарово. Слева от него — дорога на Большие Вязёмы, по которой ездили и Пушкины. На берегу видна сильно перестроенная дача Абакумовой, а ближе к воде белеет каменная площадка — остатки купальни, когда-то стоявшей здесь.

ные на противоположной стороне. В одном из этих домиков жила дочь няни Пушкина Марья. От Захарова берёзовым лесом шла дорога в Большие Вязёмы. Туда по воскресеньям Пушкины всей семьёй ездили в церковь.

Александру Сергеевичу было шесть лет, когда он первый раз вместе с родителями приехал в Захарово. В детстве Пушкин был молчаливым и не любил шумных игр. Зато он охотно гулял с няней в саду и в лесу, а иногда и по деревне. Но чаще всего маленький Пушкин тайком убегал в рощу, к пруду или в беседку. Он любил тишину и уединение.

В 1811 году Пушкин последний раз приезжал в Захарово.

Попрежнему в саду у бабушки шумели тополи, цвели липы и пахло мёдом. В этот раз Пушкин целыми днями пропадал в саду и в роще, прощаясь с любимыми местами: он уезжал учиться в Лицей.

Накануне отъезда гувернёр застал его в беседке. Пушкин сидел на полу и горько плакал. После Пушкин вспоминал, как в этой беседке он пытался сочинять свои первые стихи, но не записывал их и скоро забыл.

Вскоре Пушкин уехал в Петербург. Бабушка в том же году продала Захарово, и с тех пор Пушкины в нём не жили.

Ася Быструева, Рита Смирнова,

члены литературного кружка при Московском доме пионеров

«Артек»

Здесь Пушкин когда-то над морем стоял,
Мечтая о вольном просторе,
И ветер порывистый плащ развевал,
И свежестью веяло с моря.

Теперь же весёлых ребят голоса
Звенят над обрывом скалистым,
И дач белоснежных стоят корпуса,
Одетые в лавр густолистый.

Лишь волны всё так же, волнуясь, шумят,
Как многие тысячи лет.
И строчки на мраморе всем говорят:
«Здесь с морем прощался поэт».

Лия Сотскова,

ученица 329-й школы Москвы

«У Харитонья в переулке...»

Каждый день я прохожу мимо невысокого зелёного дома в Большом Харитоньевском переулке. На фоне больших многоэтажных домов он кажется немного странным. Крутая крыша раскрашена цветными квадратами, окна с большими белыми наличниками, широкое парадное крыльцо ведёт прямо на второй этаж. Сейчас здесь находится Академия сельскохозяйственных наук имени Ленина. А во времена Пушкина здесь были палаты князя Юсупова.

Юсупов был одним из самых богатых людей Москвы. Он имел домашний крепостной театр. Сергей Львович Пушкин, отец поэта, был большой театрал и любитель домашних спектаклей. Он часто бывал у князя.

Пушкины тоже жили в Харитоньевском переулке: сначала — в доме № 2, а в 1802 году переехали во флигель к Юсупову, в дом № 21.

Юсуповские палаты окружал громадный и очень красивый сад. Он был устроен наподобие парка в Версале. В центре его находился большой круглый пруд, а вокруг располагались статуи, искусственные руины, гроты. Маленький Пушкин любил бродить по тенистым аллеям парка.

В 1812 году, во время московского пожара при нашествии Наполеона, в переулке сгорело много домов. Сгорел и сад. Но отдельные группы деревьев сохранились, и, может быть, теперешний сад вокруг глазной больницы на Садово-Черногрязской и есть остатки юсуповского парка.

Время, проведённое Пушкиным в Харитоньевском переулке, оставило глубокий след в его памяти.

«И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал»,—

писал он много лет спустя, вспоминая своё детство. А в романе «Евгений Онегин» именно сюда, в Харитоньевский переулок, «привёз» Пушкин свою Татьяну:

«...У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился.»

И из окна Татьяне были видны:

«...незнакомый двор,
Конюшня, кухня и забор...»

Если бы сейчас Пушкин смог придти в Харитоньевский переулок, он не узнал бы его. Появились большие, новые дома. На месте старой церкви выросла красивая, светлая школа. Гурьбой идут по улице школьники. Они поют и смеются. Молодой листвой шумят деревья старого «юсупова сада». Они приветствуют «племя младое, незнакомое!»

Лия Пентковская,

ученица 613-й школы Москвы

Дом на Мойке

Этот старинный серый дом знают все школьники Ленинграда. Здесь провёл последние месяцы своей жизни Александр Сергеевич Пушкин.

Мы входим в дверь налево под аркой. Отсюда 27 января 1837 года Пушкин вышел последний раз. Никто не знал, что он ехал на Чёрную речку на дуэль с Дантесом. В тот же день вечером его, смертельно раненого, внёс домой слуга Никита.

С тяжёлой грустью на сердце мы обходим комнаты великого русского поэта и с жадностью ловим каждое слово экскурсовода. Мы входим в гостиную. Здесь, в кресле за круглым столом, Пушкин любил сидеть со своими друзьями. На стене над роялем висит стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Его Пушкин написал незадолго до смерти, 21 августа 1836 года.

В столовой стоит большой круглый стол. В день дуэли Александра Сергеевича долго ждали к обеду. Но он не шёл. В соседней комнате в ожидании за рукоделием сидела Наталья Николаевна. Уже

спущены шторы, зажжена люстра, накрыт к обеду стол...

Наконец в седьмом часу к дому подъехали сани. Пушкина, чуть живого, на руках внесли в кабинет...

Больше всего мы пробыли в кабинете поэта. У Пушкина была огромная библиотека. Две стены кабинета до потолка заставлены полками с книгами. Здесь 3560 книг на 14 языках. Мы знаем, что Пушкин по-особенному любил книги и библиотеку собирал всю жизнь.

Вот стол, за которым работал Пушкин. Над ним висят портреты близких друзей поэта: А. Дельвига, Е. Баратынского и В. Жуковского. На столе чернильный прибор с бронзовой статуэткой арапчонка. «Посылаю тебе твоего предка с чернильницами», — написал Пушкину его друг П. В. Нащокин, отправляя этот подарок. Здесь же лежит гусиное перо, которым писал Александр Сергеевич, и письмо к писательнице А. О. Ишимовой. Оно было написано в день дуэли.

В этом же кабинете на диване Александр Сергеевич умер. Он мало говорил перед смертью.

Даже в последние часы жизни Пушкин думал о книгах. «Прощайте, друзья!» — сказал он, обводя прощальным взглядом свои книги.

Оля Фатеева, Нина Ухина,

ученицы 214-й школы Ленинграда

Квартира Пушкина на Мойке, в доме 12. В этом кабинете Александр Сергеевич работал последние месяцы своей жизни. Здесь он и умер.

А. С. Пушкину

Как трудно выразить словами
Мелодий светлых звук родной,
Так и о Пушкине стихами
Сказать мне трудно... Молодой,

Горячий стих, как песня, звучен,
Волнует музыкой своей...
Певец родных лесов, полей,
С народом был он неразлучен.

Поэт в веках непревзойдённый,
Он, правды требуя, роптал.
Отважный и непокорённый,
О воле страстно он мечтал.

В стихах своих воспел свободу,
И осмеял он свет и трон.
Был предан всей душой народу
И, как народ, бессмертен он.

Оля Кузнецова,

ученица 335-й школы Москвы

Мужество

Георгий Тушкан

Рис. В. Цельмера

Уже второй день длилось путешествие пионерской разведки. Ребята должны были разведать маршрут для похода дружины.

Асан предложил обойти стороной Большой Капчугай по долине реки Алма-тала, но Ромка воспротивился. Он сказал, что где пройдёт дикий козёл, там пройдут и они: среди разведчиков не может быть трусов.

Вот почему, выполняя приказ Ромки — идти напрямик и поскорее,— они очутились к вечеру среди голых скал. Утром чуть свет двинулись дальше и к полудню достигли Большого Капчугая.

Перед ними было ущелье, такое глубокое, что они не слышали шума реки, казавшейся сверху белой ниткой. Если по этому берегу и можно было спуститься вниз, то противоположный берег казался почти отвесным.

Ромка испытующе посмотрел на Егора. Нахмурив брови, Егор внимательно смотрел на ту сторону ущелья. Топс и Гномик нерешительно заглядывали вниз.

— Может, обойдём? — предложил Асан.

— Вперёд! — упрямо крикнул Ромка, не терпевший возражений.

Асан привык лазить по горам, и крутой спуск не страшил его. Он зажал подмышкой палку и, тормозя концом её, начал спускаться. Один за другим, наваливаясь всей тяжестью тела на палки, ребята спустились вниз к реке.

Над пенящейся, бурлящей рекой стоял гул. Водяная пыль цвела радугой, берег был усыпан обломками скал.

Прямо перед ребятами, застилая полнеба, возвышался крутой склон. На склоне то здесь, то там торчали одинокие кусты и деревья. Были ли то козьи тропы или просто осыпавшиеся камешки на карнизах, но склон горы казался покрытым перекрещивающимися тропинками.

— За мной! — преувеличенно бодро скомандовал Ромка.

Они не без труда перешли реку. Затем Ромка, помогая себе руками, полез по широкой тропинке, круто подымавшейся вверх. Его нетерпеливые возгласы заставили остальных поспешить.

Около часа мальчики медленно подымались, боясь глянуть вниз. А потом тропинка исчезла.

— Будем спускаться? — спросил Топс.

— Вот ещё! — возмутился Ромка и двинулся по узкому каменному карнизу, огибавшему отвесную скалу.

Теперь ребята двигались боком, прижимаясь всем телом к каменной стене, засовывая в расщелины пальцы, хватаясь за выступавшие камни. Груз на спине тянул назад. Идти становилось всё труднее.

— Не смотрите вниз, не оглядывайтесь, — говорил Асан, — а то испугаетесь, не сможете идти ни вперёд, ни назад. И тогда можно упасть...

— Замолчи! — прошипел Топс сердито.

Ромке тоже было не по себе, но самолюбие не позволяло ему отступить. Поэтому Ромка предложил «ради Гномика», самого младшего пионера в группе, вернуться обратно и обойти ущелье.

Но Гномик очень спокойно сказал, что он не боится. Он привык лазить по горам, и ему даже интересно.

— Может, тебе страшно? — спросил он участливо.

— Мне? — протянул Ромка и засмеялся. — Я ничего не боюсь, вот Топс, тот явно трусит.

— Я не трушу! — сказал Топс задорно. — Мне просто неудобно: камни колют ноги, груз назад тащит,— но я могу идти по такой дороге хоть тысячу километров.

Обливаясь потом, замирая от страха, но движимые чувством самолюбия, мальчики двигались вперёд. Каждый из них страстно желал, чтобы кто-нибудь другой не выдержал и сознался, что боится, но самому выказать страх казалось позором. Никто не решался отступить первый. Они поднимались всё выше и выше в надежде, что скоро кончится эта «чортова дорога».

Так прошёл ещё час. Ребята поднялись уже высоко над рекой, но карниз стал совсем узким, идти стало ещё труднее. Пот заливал им глаза, а смахнуть его было просто невозможно, потому что руки были заняты: ребята цеплялись пальцами за неровности скалы. Надо было держаться, «вжиматься» в каменную стену.

Ромка не выдержал и стал громко ругать дорогу. Но путь был так труден и опасен, что он скоро замолчал: он не мог тратить силы на разговор... Опасно было взглянуть вниз, опасно было остановиться.

— Кажется, зашли, — хрипло пробормотал Ромка, но никто даже не упрекнул его.

Ромка стоял, раскинув на каменной стене руки, прижавшись щекой к камню, за ним стоял Егор, потом Гномик, Асан, Топс и, наконец, Барс. Псу было труднее всех. Он стоял, застыв, как изваяние, и смотрел вниз, туда, где виднелась тонкая, как нитка, река.

— Пойдём назад? — тихо спросил Ромка, дрожа всем телом.

— А Барс как повернётся? — спросил Егор.— Барс не сможет повернуться и сорвётся. Вперёд!

Ромка опять двинулся левым боком вперёд.

— Впереди сосна, — прошептал он.

— Значит, скоро вершина,—так же тихо сказал Егор, стараясь не дышать, чтобы грудь не отодвигала от стены плотно прижимавшееся к ней тело. — Ромка, иди к дереву.

— Дальше сосны пути нет, — тихо сказал Ромка и вдруг покачнулся.

— Быстро иди к дереву! Ну, раз, два! — с неожиданной силой крикнул Егор. — Шагай, там же выступ, ты слепой, что ли? Иди!

И столько было силы в этих словах, что упавший духом Ромка, медленно, как слепой, передвинул левую ногу вперёд, перебирая потными, исцарапанными пальцами по шероховатой стене, передвинул корпус и тихо подтащил правую ногу. Он вздохнул так, будто пробежал километр без передышки, и вновь проделал то же самое.

Сосна медленно приближалась. Она была метрах в семи, но потребовалось не меньше десяти минут, чтобы приблизиться к ней.

Сосна росла в расщелине. Могучие корни вонзились меж потрескавшихся камней. За сосной был острый угол скалы. Но под сосной был крошечный «пятачок» пространства.

Самое трудное было повернуться и прыгнуть на этот «пятачок».

Собравшись с духом, Ромка прыгнул и обхватил ствол руками. Теперь он сидел верхом на корне, у основания сосны, а сзади на «пятачок» уже прыгнул Егор. Мальчики сидели вплотную друг к другу, крепко сцепившись руками. Последним прыгнул Барс. Свесив голову, он так невозмутимо заглядывал вниз, что ребята в испуге закричали на него. От пережитого напряжения их трясла лихорадка, и от одного вида Барса, заглядывавшего в пропасть, кружилась голова.

— Забрались! — наконец сказал Топс. — Я говорил...

— Что ты говорил? — свирепо набросился на него Егор и стал осторожно снимать с плеч рюкзак, но левый чересплечный ремень внизу не отстёгивался.— Да помоги же, Ромка,— с досадой

двигался вверх, ноги то и дело скользили вниз.

— Не надо! — крикнул Егор и начал спускаться.

Гномик слез к ребятам.

Егор спустился и объяснил товарищам свой план. Он связал все верёвки, сделал три конца, прицепил к своему поясу и полез. Укрепившись на ветке, Егор спустил конец верёвки, Ромка обвязал Гномика за талию, и тот начал карабкаться. Егор подтягивал. Наконец Гномик влез к Егору, а потом ещё выше, к толстой ветке, конец которой раскачивался над площадкой.

сказал Егор, — а то трудно будет лезть на дерево.

— На дерево? — ужаснулся Ромка.

— Я вот что думаю, хлопцы, — сказал Егор, не обращая внимания на Ромку,— спуститься мы не сможем. Что если влезть на эту сосну, потом на ветку, а с ветки на площадку; там, вверху, видите, средние ветки уходят за верхний срез стены? Может быть, там вершина? Двадцать метров — и мы на горе...

Ребята невольно посмотрели вниз — там виднелась та же белая нитка реки, и глубоко под ними летела какая-то большая птица.

Егор перевёл дух и вспомнил о Карпатах. Однажды во время боя за высоту 2147 был оборван провод на очень крутой скале. Послали Егора, как самого лёгкого. Он лез, стараясь изо всех сил, потому что хорошо знал, что успех боя зависел и от него. Там Егор, воспитанник части, был самым младшим. А сейчас он самый старший. Он отвечает за товарищей.

Егор сбросил рюкзак и полез на дерево. Вот и ветка... Он сел и отдышался... Немного выше, на расстоянии длины ветки, начиналась площадка в три раза больше нижней; на ней росли две сосны. Может быть, там вершина?

— Гномик! — крикнул Егор. — Собери все верёвки и лезь ко мне. Можешь?

— Могу, — ответил Гномик, не представляя себе, как это он полезет на такое толстое дерево.

Он собрал верёвки, привязал один конец за пояс, обхватил ствол руками, и руки его не достали друг друга. Но Гномик всё-таки полез. Он еле

— Гномик, — сказал Егор, — стань спиной к стволу, а лицом к концу ветки.

Гномик повернулся. Егор поднялся к нему, попробовал, хорошо ли завязан вокруг талии Гномика конец верёвки, и собрал на руку свободную часть верёвки. Вторым концом Егор привязал себя к дереву. Гномик внимательно смотрел на Егора непонимающими глазами.

— Садиться на ветку верхом и лезть? — спросил он.

— Гномик, только ты можешь спасти нас: ты самый лёгкий, — серьёзно сказал Егор. — Хорошо?

— Хорошо,— взволнованно ответил Гномик.

— От твоей ловкости зависит наше спасение. Ты привязан, и, если сорвёшься, то не упадёшь: я удержу. Веришь мне?

— Верю!

— Я крикну: «Раз, два, три», — и ты раскинь обе руки и быстро иди по ветке; спрыгнешь на ту площадку. Только иди быстро, чтобы ветка не успела прогнуться. Ну, значит, раз, два, три, — беги же, беги!

Гномик взглянул широко раскрытыми глазами в глаза Егору. Смотрел, не мигая.

— Боишься? — шепнул Егор.

Гномик повернулся к ветке лицом, держась руками за ствол позади.

— Беги,— крикнул Егор,— беги!

И Гномик, раскинув руки в стороны, стремительно пошёл по ветке сосны. Вот он достиг середины. Ветка вздрагивала. Гномик замедлил движение, остановился на секунду, взмахнул руками и пошатнулся.

— Беги же, беги! — кричал Егор.

Гномик, балансируя руками, снова двинулся вперёд. Конец ветки подогнулся, и он упал прямо на площадку, наверху.

— Есть! — радостно закричал Гномик, вскакивая на ноги. — Влез!

Гномик сделал всё, как сказал ему Егор. Первой верёвкой он привязал ветку, по которой шёл к ближней из двух сосен, что росли на площадке. Конец второй верёвки привязал к стволу той же сосны, на метр выше первой верёвки. Таким образом, получился мостик и перила, за которые можно было держаться.

Егор, придерживаясь рукой за верёвку, натянутую на уровне головы, легко и просто прошёл на площадку по ветке. Гномик бурно обнял его.

— Ты лазишь, как охотник, — сказал Егор, гордясь своим младшим товарищем.

Конец третьей верёвки Егор спустил вниз. Барса и вещи они с Гномиком легко втащили к себе верёвкой. А мальчики один за другим поднялись на дерево и оттуда перебрались на верхнюю площадку.

Вершина встала перед ними голой серой скалой, совершенно отвесной. Лишь в одном месте было покатое место — каменный жёлоб, заполненный камнями.

Эти сто метров по каменной осыпи оказались самыми трудными. Ребята лезли по камням вверх, а камни сползали под ними к обрыву. Нельзя было спешить, чтобы не вызвать каменной осыпи, нельзя было лежать пластом, чтобы не соскользнуть вниз вместе с камнями, медленно ползшими под их тяжестью. Очень мешал груз.

Но вот и вершина. Рюкзаки вмиг были брошены на камни. Ребята сразу заговорили, не слушая друг друга. Раздались весёлый смех и восклицания. Егор влез на огромный валун и осмотрел окрестности.

С вершины открывалась замечательная картина. Везде зеленели леса. Казалось, этим лесам конца-края нет. А среди лесов то здесь, то там величественно поднимали к небу свои вершины отдельные горы и целые хребты. И тут же между ними причудливо извивались реки и блестели озёра.

— Ай, ай! — сокрушался Асан. — Нам надо было идти левее, вон на ту покатую гору, а мы влезли на хребет.

Но все были рады, что выбрались из опасного места, и никто не стал бранить Ромку, поведшего их по этому пути.

— Сейчас отдохнём около этого камня, — сказал Егор, — а через полчаса пойдём вниз, к лесу, и поищем место для ночёвки.

Егор спрыгнул с камня и повалился на реденькую жёлтую траву, упругую, как проволока. Рядом с ним не легли, а просто рухнули все остальные. Ребята прижались друг к другу, чтобы было теплее на этом высокогорном сквозняке.

Казалось, они только на мгновенье закрыли усталые веки, а проснулись утром. Каждый чувствовал биение сердца другого, будто у них билось одно сердце.

— Я вчера вёл себя, как дурак, — сказал Егор, глядя в небо и ни к кому не обращаясь. — У меня нехватило мужества сознаться, что мне страшно и что идти по этой дороге опасно и глупо. А надо было сознаться: мы бы во-время повернули назад и нашли правильный путь. Из-за дурацкого молодечества мы чуть не угробились.

Он сел на траву, окинул лукавым взглядом всех ребят и тихо спросил:

— Странно: неужели никому не было страшно? Только мне одному?

Дружный смех был ему ответом. Мальчики наперебой рассказывали, как они трусили и как ни за что не хотели опозориться и сказать об этом.

Тогда же было решено, что лучше всего в своих ошибках сознаваться сразу и что на это тоже требуется мужество.

Шестнадцатилетний рекордсмен

И. Рахтанов

Окрестные ребята привыкли к тому, что следом за огромным доберман-пинчером на берегу озера появляется его хозяин — Виктор Дробинский.

И приходит он не один. Всегда из Москвы с ним приезжает ватага ребят.

Ещё на ходу скидывают они брюки — и прямо в воду...

А там начинается быстрый и шумный кроль на перегонки: кто кого? Руководит соревнованиями, конечно, Виктор. Он плавает лучше всех.

Любо смотреть с берега, как отточены его движения, как ловко владеет он своим вёртким, послушным телом!

Удивительного в этом, впрочем, ничего нет. Всё дело тут в тренировке. С самого раннего детства Виктор, которому сейчас семнадцатый год, подружился с водой. Зимой он в бассейне, летом здесь — на озере Белом в Косино, близ Москвы.

Недавно Виктор Дробинский, с которым занимается тренер П. Жаринов, впервые выступил в соревнованиях со взрослыми.

И по соседней с ним дорожке плыл не кто-нибудь, а сам рекордсмен Союза — Виталий Владимирович Ушаков!

В тот весенний день в бассейн пришли все друзья Виктора. И только верный доберман-пинчер волновался дома: собакам вход в бассейн категорически запрещён.

Это были большие состязания — традиционный матч Москва—Ленинград.

Старт. Всплеск воды. Дистанция двести метров. Медленно текут наполненные азартом, разбитые на десятые доли секунды.

Вот уже финиширует Ушаков.

Вот второй пловец касается рукой стенки бассейна.

Кто это?

Конечно, это он, московский школьник, рекордсмен среди мальчиков, шестнадцатилетний мастер спорта Виктор Дробинский, впервые выступающий в соревнованиях взрослых.

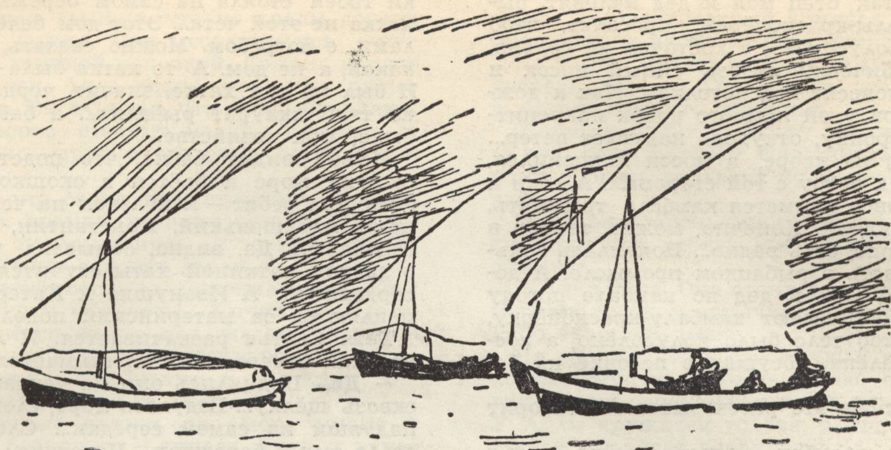
Ему хлопают, и вода, ещё не успокоившаяся после заплыва, отражает, удесятеряет дружественный гул.

На этой дистанции Виктор обошёл Артемия Либеля, чемпиона Союза, опытного ленинградского пловца. В четырёхсотметровом заплыве позади него оказался известный мастер спорта В. Гладилин, а на ста метрах юноша показал время поистине удивительное — одну минуту и одну секунду ровно!

И всё это случилось в страдную для каждого школьника пору, в предэкзаменационные дни, когда мысли прикованы к школьной программе, когда надо вспомнить и повторить всё, что проходилось в году.

— Сдав экзамен на взрослого пловца с отметкой «отлично», — сказал мне Виктор Дробинский, — я постараюсь и в школе не осрамиться.

Мы расстались на том, что я, конечно, пожелал ему успехов. Уходя, я подумал, что когда-нибудь — и возможно очень скоро — ещё напишу о Викторе Дробинском не такой, а большой очерк, который будет называться «Рекордсмен мира» или как-нибудь в этом роде. Для этого у него есть всё: и упорство, и мастерство, и патриотическое стремление побеждать!

Бабушкино море

С. Георгиевская

Рис. Н. Цейтлина

(Продолжение)

Внука Сущёвой

На следующее утро Ляля просыпается от того, что кто-то на неё смотрит.

— Анюта, — говорит шопотом бабушка, — ты что ж девчонке волосики не чешешь?.. Гляди, все волосы посбивались... Это что ж, косы чтой ли будем выстригать? От матери стыдно. Да и волосёнки-то жаль: гляди, какие мягонькие...

Ляля уверена в том, что бабушке никогда, никого и ничего не бывает жаль. Она притворяется, что крепко спит.

«...Не подлизывайся... Убегу, всё равно убегу, — уткнувшись лицом в подушку, думает Ляля. — Мой папа напишет тебе письмо и спросит, куда ты меня задевала... Ой, матушка, — напишет, — уморила ты нашего первенца!»

На голову Ляле осторожно ложится большая бабушкина рука. Рука разглаживает потихоньку лялины волосы. Потом останавливается, замирает...

Бабушка стоит над лялиной кроваткой, переступая с ноги на ногу... Потом она шарит в комоде, достаёт высокие резиновые сапоги. Босая, чтоб не шуметь и не будить Лялю, подхватив сапоги подмышку, бабушка выходит на улицу.

— Никак не спится, мой голубок? — говорит, наклонившись над Лялей, тётя Сватья.

Ляля садится в кровати и смотрит в окошко. Небо в окошке совсем серое. Накрапывает дождик.

— Вставай, детка, испей сметанки, — говорит тётя Сватья, расчёсывает Ляле косы густым гребешком и выносит откуда-то армячок и новые тапочки.

Ляля надевает широкие новые тапочки и армячок. Рукава у армячка длинные.

— Ничего, — объясняет тётя Сватья. — Подрастёшь — и будет в самую пору. Бабушка на рост набирала. Хорош.

Ляля оглядывается и не узнаёт себя в этом жёстком сером армячке.

Она идёт во двор и зовёт Тузика.

Но Тузик тоже не узнаёт Лялю. Он залез в будку и прячется от дождика.

Ляля смотрит вверх на сливовое дерево. Сверху, с листьев, на лицо и плечи падают тяжёлые капли. Армячок намокает.

Ляля идёт в дом, садится у окошка и смотрит на улицу. Она смотрит и видит, что море будто шагнуло вверх, хочет перепрыгнуть через скалу и разлиться по улице. Она слышит, как хлопают в доме ставни. Видит, что всё кругом превратилось в дождик, в текучие ручьи и широкие, подёрнутые рябью лужи. Жестяные бадейки во дворах переполнились водой. Намокли, потемнели крыши, поникли от воды деревья.

Всё летит. Всё хлопает и хлюпает. Шелестят мокрые листья под ветром. И со всех сторон их осыпает каплями дождик.

В трубе гудит ветер.

Ляля слушает, как гудит ветер, как стучат о стекло тяжёлые капли, как бьются от ветра двери и ставни.

— Тётя Сватья! — говорит Ляля. — Мне скучно, вы сказку умеете?..

— Бывало, смолоду, так умела, деточка, — отвечает тётя Сватья. — Только от старости всё в голове у меня перепуталось. Ну, садись, садись-ка на стульчик, ладненький. Может, чего и вспомню.

Ляля садится рядом с тётей Сватьей.

Обе смотрят в окошко.

— От дождь, — говорит Сватья. — Недаром мухи вчерась летали. Ясно сказано: к дождику. Тут и радио не надо... А бывало, допрежде, милок, когда ещё и не слыхивали

про радио, так отец мой и дед наловят, бывало, камбалы-краснопёрки, просолят, чтоб тело было полусолёно, а косточка не солёна, продёрнут бичёвку сквозь ейный носок и хвосток и повесят под потолком. Как к дождю, так носок у ей немного набок накренится, в ту сторонку, откудова надувает ветер... Ясный день на дворе, а носок накренился, стало быть, к ветру с той стороны... А если к буре, так вовсе примется камбала трепетать, как листок какой. Конечно, может, теперь в такое не верят, есть радио... Появилась большая научность в рыбацком промысле. А допрежде отец мой и дед по камбале погоду опознавали... Поймают камбалу-краснопёрку, просолят, чтоб тело было полусолёно, а косточка не солёна, обсушат в песочке на бережку...

— Так вы уж это рассказывали!..— говорит Ляля.

— Да... да... голубок, — отвечает тётя Сватья и внимательно смотрит на дождик. — Всё у меня, милок, от дождя в голове перепуталось... Море, детка, оно, море, со своим умом, со своим норовом, как встанет дыбом, как дотянет пальцы до самого неба, как схватится там за облако!.. Повытягает рыбёшку со дна. Крутит в своём столбе рыбёшку под самым облаком... Не ходи рыбак в тот рукав, потому и лодку твою закрутит, как щепку, потянет под самое небо и шмякнет о земь на том берегу так, что сыны и косточек родительских не соберут.

Море, детка оно, море!

Вот было, значит, в четырнадцатом годе великое наводнение... Вон гляди в окошечко... погляди... подступает к самым камешкам и бьётся, будто хочет всю землю заглотать.

Ляля выглядывает в окно. Она не видит моря, а видит что-то серое, рваное, клубящееся, как дым.

— Сердится,— говорит она тихо.

Сватья кивает головой.

— Сердится, шибко сердится, деточка. Видно, жалко ему, что люди из сердца у него много рыбы повынимали... Гневается, что в весну, в путину, цельные составы с богатством нашим рыбным по Расее идут. Слышь, коток?

— Слышу, тётя Сватья. Ну так что же было дальше?

— А то было, что в годе четырнадцатом стряслось великое наводнение... А хатка бабки твоей стояла на самом бережку. Правда, хатка не этой чета... Этот дом белёный, с полами, с погребом. Можно сказать, ресторант какой, а не дом. А то хатка была — мазанка... И был на той хатке, значит, чердак. Дедушка твой аккурат рыбалил... а бабка в доме была, при хозяйстве.

И вот видит бабка, что подступилось к окошку море и бьётся в окошко... Подхватила она ребят — и ползком на чердак. Твой папа, младшенький, Константин, был ещё годовалый. Да, видно, осмыслил, что смерть в дверки маткиной хаты стучится. Заплакал сердешный. А Иванушка и Катерина так и цепляются за материнский подол.

Тётя Сватья раскачивается. И Ляля, сама не зная отчего, тоже принимается качаться.

— Да... Поднялись они на чердак и глядят сквозь щёлку... Вздулось море, словно ветром надувши из самой серёдки... Словно тесно стало ему в бережках... Подступилось море к бабушкиной мазанке и смыло мазанку. Поплыла бабка... На руках у неё меньшой, Константин. Катерина за доску держится, а Иванушка, старшенький, уцепился за перекрёстные доски от чердака...

И плывут они по морю, ладненький мой, не на корабле каком, не на плóте, не на байдé. На останках крыши... Была она не из балок скроена, не креплёная, разбило море ту крышу, и в щепах её раскидало по водам.

Тётя Сватья говорит и, мигая, смотрит в окно на дождик.

— Вот плывёт, значит, твоя бабка, держит на шее одной рукой меньшего сынка, папочку твоего Константина...

«Ах ты, мой маленький, — думает Ляля про папу.— Чуть-чуть не потонул...»

— И тут занесло её на островок в камыши, посредине моря, и нога нечаянно-негаданно об землю оперлась... Подобрала бабушка доску, воткнула её в камыш и повесила на неё головной платок, словно флаг какой... Спасайте, мол, люди добрые.— Тётя Сватья вздыхает.— А тем временем воды стали спадать... Люди, что плыли в лодках для спасения утопающих, увидели бабкин флаг. Подобрали её и меньшенького, Константина.

— Папочку моего? — спрашивает Ляля.

— Его самого!— соглашается тётя Сватья.— А потом на креплении от чердака прибился к берегу старший, Иван. Окоченел весь, аж синий стал, а всё ж таки дышит, живой, стало быть. Ну, а потом уж выбросило на берег, деточка, и дедушку твоего и утоплую малолетнюю Катерину...

Дочиста всё обглодало море... Хату снесло и снасти сгубило... Не на что было бабке твоей, поверишь ли, голубок, и покойничков схоронить.

Тётя Сватья оглядывается, встаёт с табуретки и распахивает окошко. Она покачивает головою и словно к чему-то прислушивается.

Ляля тоже встаёт с табуретки, подходит к тёте Сватье и выглядывает в окно из-под её руки.

...Не узнать широкой дороги бабушкиной станицы. Дождик полил дорогу, замесил на ней глину

и пыль. Ляля слышит, что по краям дороги булькают лужи. Они соединились друг с дружкой длинной цепочкой. Дождик капает прямо в лужи. Ляле видно, что лужи рябые от дождика. Ей слышно, что лужи булькают. Из-под заборов стекают мелкие ручейки и, соединившись друг с дружкой, бегут в канавы.

У домов, что стоят, повернувшись окошками к морю, громко хлопают ставни. Над их крышами, наклонившись к самой трубе, громко и тонко свистят деревья.

Они то сгибаются, то выпрямляются. Они хлещут воздух: «Хю-исть!.. Хю-исть!..» Что-то большое бьётся внизу, под скалой, ударяя в берег и глухо, протяжно, тоскливо воя.

Прикрывшись клеёнками и платками, бегут по дороге какие-то люди.

«А страшные сказки про море умеют в станице у бабушки», — думает Ляля и тянет тётю Сватью за рукав:

— Ну... а что дальше было, тётя Сватья?

— Дальше-то? — словно проснувшись, переспрашивает Сватья. — А на чём я остановилась, ладненький?..

— Как не на что было схоронить, — говорит Ляля.

— Да, да, — захлопнув окошко, быстро досказывает Сватья. — А то было, милок ты мой, что пошла твоя бабка по мокрой земле, по сырой дороженьке правды искать у людей, у рыбопромышленника, на которого дедушка, значит, жизнь свою положил...

Да где там... до бога-то, деточка, высоко, до хозяина далеко... Видно, в город утёк...

Возвратилась бабка ни с чем и видит: народ стоит на песку, близ утоплых. Всё больше казачество. В шапку деньги кидают. Глядит твоя бабка на эту картину и словно не видит. Бабы кругом, ясно дело, плачут... Конечно, море... Оно нас и поит и кормит, оно нас и погребает.

— А что было потом? — говорит Ляля.

— Что ж потом? — отвечает тётя Сватья, вставая. — Много всего было потом. Вдовья доля, милок, нелёгкая. Сперва ни дома, ни снасти, ни помочи...

Тут кто-то крепко-крепко стучит в окошко согнутым пальцем. Ляля вздрагивает и хватает за платье тётю Сватью.

Тётя Сватья подходит к окошку. В саду стоит тётя Фрося с накинутой на голову клеёнкой. На ногах у неё мужские калоши. Тётя Фрося машет руками, показывает на дорогу и убегает.

— Я сейчас, голубка, — тихим голосом говорит Сватья. — Вот тебе вся еда на столе... Я разом... Разом, коток.

Накинув на голову шерстяную косынку, тётя Сватья выходит на залитое дождём крылечко, проходит, скользя по мокрой дороге. Её резиновые калоши с ушками словно тонут в мягкой, жидкой грязи. Частый дождик хлещет тётю Сватью. Её шерстяной платок развевается по ветру. Вот обежала заборчик. Вот остановилась и стукнула в чьё-то окошко. Вот проскользила в своих калошах до крайней хатки, махнула кому-то рукой... и пропала.

Пусто в окошке. И в доме пусто. В доме только Ляля и ветер. Ляля смотрит на дождик, а ветер гудит в трубе.

Ляле страшно, тоскливо.

Она надевает мокрый армячок и, оглянувшись, бежит прочь из бабушкиного дома.

На улице лужи и дождик. Ляля стоит одна посреди дороги. Она видит, что из-за угла выбегает какая-то женщина.

Женщина идёт к берегу. Ляля идёт вслед за ней, тоже к берегу. Она спускается по мокрому обрыву, скользит по мокрой глине, падает.

На берегу очень много людей. Тут старики, старушки, ребята, рыбаки и усатый председатель.

А Ляля одна. Она стоит в сторонке в своём мокром, грязном армячке, и с моря дует ей в лицо большой ветер.

На волнах белые гребешки. С гулом и грохотом стучится море о землю, словно колотит о берег огромной, мокрой, тяжёлой рукой. У Ляли кружится голова, в ушах шумит, в глазах мелькает серая рябь.

За крутыми волнами не видно сизой полоски берега. Её тоже, наверно, совсем залило водой.

Вода дымится, она просачивается сквозь гальку. В воздухе носится солоноватая белая пыль.

Тут Люда, Света и Ляля сидели недавно на камешке.

Камня нет.

Вон там стояла землечерпалка. Нет больше землечерпалки. Вон там торчал из воды камыш. Затопило камыш.

Всюду, всюду вода...

Вода гудит. У неё нет голоса. Она ревёт, как стадо коров. Она мычит так гулко и страшно, как будто грозит кому-то.

Всё уже краешек берега. Всё больше моря. Всё меньше земли.

Люди стоят, прижавшись к скале, и смотрят в воду.

— Сказала, не ходи... — говорит какая-то старушка. — Так нет же, пошла. Всю душу из матери вынула!..

Когда старушка говорит про мать и про душу, Ляля начинает плакать. Она вспоминает, что стоит одна на чужом, мокром, холодном берегу... что в толпе не видно даже тёти Сватьи, а что у всех здесь мамы. Она плачет всё громче.

— Ну, ладно, молчи, молчи, — говорит наконец какая-то тётенька. — Дитё, конечно, за бабушку убивается. Вполне понятно...

Тётенька вытирает Ляле лицо кончиком своей косынки, и от того, что кто-то её пожалел, Ляле становится ещё горше.

Она плачет так громко, что все оборачиваются. Она теребит свой армячок и говорит, как та старушка:

— Всю душу вынули!

Усатый председатель оборачивается и сразу узнаёт Лялю. Он подходит к ней, садится на корточки и показывает «козу бородатую»...

Ляля отворачивается и плачет.

Тогда председатель говорит:

— Ну, полно, полно, не впервой, не потонет твоя бабушка. Не в таких штормах бывала. Такое уж наше дело, рыбацкое, что ж плакать. За бабкой твоей никто не пропадал. Всех на берег выведет... Не плачь, дочка. Ишь ты, соломинка!.. До чего ж убивается! А в море и так, чай, много воды солёной. — На-

клонившись к Ляле, он бережно обтирает ей нос шершавой рукой. — Не плачь, коток!.. Куда надо, так дадено знать и без слёз твоих... Даже в центре, в райкоме идёт большое волнение... Если будет надобно, так полетит над самым над морем самолёт «У-2», чтоб бабку твою сыскать... Сам сяду, сам стану глядеть. Нам, детка, каждый рыбак дорогонек. У тебя вон бабка, а у меня их в море вон сколечко!.. — он широко разводит руки. — И четверо, зёрнышко ты моё, сыновей...

Председатель берёт Лялю за руку. Лялиной руке становится теплей, совсем тепло. Она крепко держится за его большую руку и прижимается головой к его кожаной тужурке. Ляля смотрит на море и на пушистые добрые усы председателя. А море окатывает его резиновые сапоги и брызжет пеной на лялины новые тапочки.

— Ну, ладно, дитятко, ладно, — говорит председатель осипшим ласковым басом. — Ладно, сейчас придёт твоя бабушка. Вот даже катер в море за ней послали... Придёт, придёт твоя бабушка...

И Ляля понимает, что все, кто здесь, на берегу, все эти люди кого-то ждут. Один — папу, другой — маму, а третий — дочку. И всех, всех этих людей должна привести назад её бабушка. Она узнаёт в толпе даже того рыбака, который сказал, что его оговорили бабке и положили живого в гроб... Он смотрит в море, глядит вперёд, прижав козырьком ко лбу ладонь, и говорит: «Мда...»

— Что за дитё? — спрашивает рыбак, увидев, как Ляля жмётся к председателю. — Не припомню что-то...

— Варвары Степановны внука, — отвечает тот. — Константина дочка. Из Ленинграда, к бабке в гости приехала.

— Так, так, — говорит рыбак и смотрит на лялины новенькие тапочки. — Ишь ты, вся исплакалась, — говорит он вдруг. — Видно, любит, жалеет бабку... Придёт твоя бабка. Ты даже в уме не держи чего худого. Не бывает, чтоб не пришла. Она у нас самый ведущий бригадир. Знаешь, какой? Во!

Рыбак садится на корточки и показывает Ляле свой коричневый большой палец.

Ляля смотрит на его палец и молча глотает слёзы.

«Не придёт моя бабушка, — думает она. — Бабушка не придёт». «Схорони меня, внученька, на Есенской косе, — вспоминает Ляля. — Там мои деды спят, там и мне, рыбачке, лежать пристало».

И вдруг, как будто отхлынув от ног, от берега, от тапочек, стучит ей в сердце большая волна: бабушки нет. Не вернётся бабушка... Как же так?.. Как же так не вернётся?.. А кто же скажет, чтоб ей расчесали косы?.. «Кто эта девочка?» — спросят на винограднике. «Это внука Сущёвой, — ответит Света. — Варвары Степановны, бригадирши, что в море потонула».

Как так потонула? Да как же?.. Да что ж такое?..

Ляля стоит, растопырив руки, и глядит на свои тапочки. Она хочет вздохнуть и не может.

А кругом уже совсем темно. Ляле видно, как в море, далеко за волнами, мигает большой белый глаз. Это маяк. Он указывает рыбакам путь, чтобы зря не блуждали по морю.

Люди приносят на берег фонари. Но свет фонарей не освещает моря, а только мелкую гальку на берегу. Ляля вспоминает про то, как бабушка на цыпочках уходила из дому, как велела Сватье расчесать ей косы...

А вчера вот так же, наверное, стояла бабушка на берегу. «Где моя внука?» — думала бабушка, и долго ходила по саду и по скале, и кричала: «Оленька, Оля!..»

А Ляля гуляла по винограднику и ела там виноград.

Луна взошла, а бабушка всё ходила одна по станице, ступала по пыльной дороге своими большими ногами в жилках.

Она ходила одна по станице, а люди заглядывали ей в лицо и говорили: «Ну, ничего, ничего, Степановна, прибежит твоя внука». Только бабушка им не верила. Когда стало совсем темно, она зашла в пустой дом и стала глядеть в окошко.

Тузик выл на своей цепи... Может быть, бабушке захотелось плакать. Может быть, бабушка даже заплакала б, если бы не была бригадиршей. Бабушка, наверное, долго смотрела в окно. К сердцу ей подкатывала волна, и бабушка думала: «Что же это, да что ж такое?.. Где моя внука, Оленька?..»

А в это время Ляля ехала на телеге.

Так думает Ляля, стоя на берегу.

...А большое бабушкино море шумит всё тише. Всё ровнее становятся волны в нём. Тихо шурша, отступает морская вода всё дальше от берега.

И вдруг где-то очень далеко слышится стрекотание, похожее на стрекотание кузнечиков.

— Идут! — говорит председатель, забывает про Лялю и оставляет её одну.

«Бабушка!» — думает Ляля.

— Идут, идут! — говорят кругом.

— Идут! — вздыхает та самая старушка, у которой вынули душу.

Старушка плачет. А кузнец в море стрекочет громко, всё громче.

Он гудит и жужжит.

И вот совсем уже близко от берега виден нос моторного катера. За ним, слегка накренившись набок, как пять лебедей, плывут под парусами пять больших лодок.

Все забывают про Лялю. И все толпятся у берега.

— Ой, пустите, пустите, тётенька! — говорит Ляля.

Только никто ничего не слышит.

И вдруг наклоняется к ней тот самый седой весовщик.

— Иди, иди, — говорит весовщик, берёт Лялю на руки и сажает её на плечо. Ляля сидит высоко. Теперь ей всё видно.

— Голубчики, светы! — кричит старушка, которая жаловалась, что из неё вынули душу.

— Замолчи! — говорит очень строго председатель.

Катер подходит к берегу. О его борта бьются волны. Они взлетают высоко. Стоит какой-то большой весёлый человек на носу катера; он весь мокрый и блестящий. На нём сияет при свете звёзд и фонаря резиновый плащ, похожий на бабушкину куртку.

— Иван! — кричат с берега.

— Чего? — отвечает кто-то с лодки.

— Пап! — кричат с берега.

— Тут я, сынок! — отвечает хриплый густой голос.

— Мария! Машенька-а! — кричит исплаканная старушка.

— Бабушка-а! — ещё громче кричит Ляля.

— Внука моя! — отвечает бабушка.

Она стоит во весь рост в своей лодке. Она смотрит на лялины мокрые ноги, на её измазанный в глине армячок.

В свете фонарей будто что-то дрожит и блещет в бабушкиных глазах. Лицо у бабушки мокрое, рот полуоткрыт.

— Эх ты, моя капелька! — говорит бабушка и отворачивается.

Потом она словно опоминается.

— Кто на берег пустил? — кричит бабушка. — Дитё, наверное, всё захолонуло...

— Варварушка! — отвечает не своим голосом тётя Сватья, выбегает из толпы и трёт тёмной ручкой свои голубые часто мигающие глазки.

А бабушка стоит в лодке. Она вся залита водой. Ноги у бабушки обуты в те самые резиновые сапожищи, что она выносила нынче утром на цыпочках из хаты, чтоб не будить Лялю.

— Держи концы! — глухо кричит бабушка. И люди с лодок бросают на берег канаты.

Люди тащат канаты на берег, а море кидает лодки от берега.

Люди на берегу крепко вцепляются в канаты. Все люди, сколько их только есть на берегу, повисают на длинных канатах. Тут председатель, и рыбак, на которого не глядит бабушка, и дети, и старики.

Вот Люда и Света... Света плачет и жмётся к женщине в сером, измокшем платке.

Все тащат на берег бабушкину лодку.

— Есть, взяли! — кричит Сватья не своим, а каким-то рыбацким, чужим голосом; по ногам Сватьи хлещется намокшая от дождя юбка.

Ляля тоже тянет за канат. Она кричит, как другие: «Есть, взяли!» И ей кажется, что если она не будет тянуть и не будет кричать, бабушкина лодка опять уйдёт в море.

— Гляди, рыбак какой объявился! — говорит, глядя на Лялю, председатель и хохочет; от смеха у него трясутся усы, трясутся толстые щёки, трясутся полы резиновой куртки.

— Недаром внука Сущёвой! — говорит он вдруг, перестав смеяться, и, весь откинувшись, тянет канат искоса.

Все смотрят теперь в её сторону.

Но Ляля занята. Она орёт и повисает на канате всей тяжестью своей. Ей жарко. Мокрый армячок бьёт по её ногам, как юбка по ногам тёти Сватьи.

Ляля тащит бабушкину лодку. Два раза она падает на песок. Потом поднимается и тащит опять. Тащит до тех пор, пока лодка не врезается в берег.

В лодке много рыбы. Ещё больше, чем было позавчера.

— На! — говорит председатель и поднимает Лялю на руки. — Забирай свою бабушку.

— Измокла? — говорит бабушка. — Ах, ты мой ладненький!

Ляля сидит у бабушки на руках. В первый раз она видит совсем близко бабушкино лицо, покрытое мелкими морщинками. Кожа на нём сухая, от ветра воспалённая и шершавая. Из черноты лица смотрят на Лялю два бутылочно-прозрачных глаза с красными веками.

Глаза у бабушки спокойные, как вода в стакане. Прозрачные, как вода в чистом блюдце. Глубокие, как бабушкино море. И добрые, добрые — ещё добрей, чем глаза у тёти Сватьи.

— Бабушка! — удивившись, говорит Ляля, будто видит бабушку в первый раз.

— Ладно, молчи, молчи! — лукаво отвечает бабушка и жмурится. — Уж будто и боялась?

— А вот и боялась! — говорит Ляля.

Бабушка ставит Лялю на песок, кричит:

— Анюта! Веди ребёнка домой, — и закатывает рукава своей куртки.

Она раскладывает рыбу в плетёные корзины. Рыбы много, и всё крупная, тяжёлая...

— Ишь, до красной дошли!.. — говорит председатель, наклонившись над корзиной.

Там лежит невиданная усатая длинная рыба.

Рыба бьётся и хочет выпрыгнуть прямо бабушке в лицо. А бабушка смотрит на рыбу, сдвигает локтем со лба свою резиновую шапку и говорит:

— Эх, да разве ж это осетр? Разве ж это осетр? Не видывали вы осетров. Не осетр это вовсе, а просто камса какая-то.

(Окончание в следующем номере.)

СОВЕТЫ СТАРШЕГО ВОЖАТОГО

В пионерском лагере

Ласково припекает июньское солнце. Вас уже не ждёт школа, не нужно готовить уроков: пришла пора отдыха.

Поговорим о лагере. Как и всегда, многие из вас на лето отправляются за город: в лес, на речку, к озеру — туда, где каждый новый день начинается весёлым призывом пионерского горна.

Трудно придумать более увлекательный отдых, чем в пионерском лагере! Там можно осуществить все ваши планы на лето, все ваши мечты.

Походы с ночёвками у костра, рыбная ловля и купанье, футбольные и волейбольные встречи на лесной поляне, прогулки... Это только часть того, что вам даёт лагерь.

Но лето проходит быстро, поэтому распоряжайтесь, ребята, своим временем умело. Отдыхайте так, чтобы успеть окрепнуть, набраться новых впечатлений, многое узнать и многому научиться.

По-разному можно отдыхать в лагере. Например, ребята одного лагеря любили путешествовать. Но не просто прогуляться по лесу и к вечеру вернуться обратно: они любили трудные походы на далёкие расстояния, с привалами и кострами, с военными играми. И не только в ясные тихие дни, а в любую погоду.

В этом лагере было правило: отправляясь в поход, прощаться с остающимися. Уходили обычно рано утром, когда лагерь только ещё просыпался. С рюкзаками и скатанными одеялами за плечами путешественники выстраивались на лагерной линейке.

— До свиданья! Мы уходим в поход! — звонко кричали они провожающим их ребятам и туристской цепочкой выходили с территории лагеря.

В дороге было очень интересно. Кто на глаз определит, сколько шагов до первого стога сена? А кто на память, не оглядываясь, скажет, какой дорогой только что шли: сворачивали или нет, поднимались в гору или шли по ровному месту? И что видели по сторонам дороги?

Играя, ребята незаметно и без усталости проходили много километров. И это было не только игрой. Тут развивались внимание, ориентировка и наблюдательность, необходимые в походе.

Вот и привал. Здесь новая задача: какое звено быстрее разожжёт костёр и сварит обед? Бывало и так, что одни уже обедают, а у других только ещё закипает вода. Вот тут сразу и видно, кто расторопный, а кто еле поворачивается, у кого послушно действуют в руках лопата и топор, а кто белоручка. Но самое главное было впереди: это постройка шалашей из веток, ночное дежурство у костра и военная игра на следующий день.

Игру ребята проводили по-своему. В походе не было ни фанерных пушек, ни пулемётов-трещёток, которые обычно бывают в общей лагерной игре. Здесь ребята учились подавать команду при помощи флажков, маскироваться и брать препятствия: прыгать через кусты и рвы, встречающиеся на пути, и плавать, если поблизости было озеро или неглубокая речка.

И когда через два дня загоревшие и весёлые ребята с песней возвращались в лагерь, то весь их вид говорил о том, как интересно они провели время.

В отряде, побывавшем в походе, уже не было ребят, ничего не умеющих делать. В походе они не только у вожатого,

но и друг у друга научились многому, чего не умели раньше.

О том, как интересно учиться друг у друга, нам рассказывал московский пионер Витя Карпов. Два года назад, тоже в лагере, один мальчик научил его делать фюзеляжные модели. Вите это так понравилось, что он и зимой продолжал заниматься в авиамодельном кружке при Доме пионеров. К следующим лагерям он так овладел своим любимым делом, что и сам стал учить других ребят. Представляете, как Витя радовался, когда модель пионера из его кружка взяла первенство в соревновании авиамоделистов лагеря!

В любом лагере можно найти множество увлекательных занятий. Вот ребята нашли в лесу трёх ежей, а живого уголка, куда их можно поместить, в лагере не оказалось. Что же делать? Ребята огородили плетнём небольшую площадку, расчистили её и натаскали чистого песку.

Через несколько дней состоялось открытие «зоопарка». В ящике, закрытом металлической сеткой, ползали ужи. В другом ящике, устланном соломой, поместились все три ежа. В большой банке, врытой в землю, плавали рыбы. Был ещё устроен специальный бассейн для раков: ребята вырыли в глинистом грунте яму, выложили стенки камешками, а на дно положили ил с водорослями из озера и насыпали песку.

«Зоопарк» стал любимым местом ребят. К концу смены в нём появились дятел, лисёнок и белка. В этом живом уголке руководитель кружка биологов провёл много интересных бесед. А когда пионеры уезжали из лагеря домой, они подарили свой «зоопарк» колхозным ребятам.

Много впечатлений от лета прошлого года осталось у ребят из лагеря одного завода. Особенно запомнилась им игра в «самостоятельный день». Играл весь лагерь. Это было необыкновенно интересно — играть начальника, старшего вожатого, врача, преподавателя физкультуры, повара, завхоза, конюха. Весь день — от подъёма до отбоя — ребята провели на положении работников лагеря, а все взрослые были на положении пионеров.

Многому научились в этой игре ребята. Они почувствовали, как много нужно знать и уметь взрослым, чтобы ребятам хорошо жилось в лагере, и как чётко надо работать, чтобы всё было во-время и хорошо сделано.

И ещё одно очень важное обстоятельство узнали они, играя в «самостоятельный день».

Некоторые из вас, ребята, считают, что интересная жизнь в лагере зависит только от вожатых. «А мы так не считаем, — заявили пионеры этого лагеря. — Многое зависит и от нас самих. Чем активнее и дружнее ребята, чем они больше интересуются окружающим, тем разнообразнее и интереснее у них жизнь».

В лагере

Солнце тронуло площадку
Светлым, ласковым лучом,
Выбегают из палатки
Дети с сеткой и мячом.

Все ребята в синих майках
С белой чайкой на груди.
Слышны крики: «Догоняй-ка!»,
«Эй, с дороги отойди!».

Натянули сетку, встали.
Мячик в воздухе взвился,
В городки вдали играли,
Матч футбольный начался.

Соревнуются ребята,
Ловко прыгают в длину.
Стройный мальчик взял гранату,
Далеко её метнул.

Тут и горна зов раздался,
Все на сбор помчались, в тень.
Вот как в лагере начался
Физкультурный день.

Лена Шиенкова,
ученица 6-го класса 328-й школы Москвы

Наука, созданная в нашей стране

Александр Евгеньевич Ферсман подчас прямо с аэродрома мчался в Академию наук, где ему предстояло выступить с очередным сообщением о своих работах. Одно из них он так и начал — с рассказа о путевых впечатлениях. Он рассказывал о том, как только что летел над бескрайними просторами Сибири и что при этом думал. А думал он, как трудна работа геолога в этих громадных пространствах. Но Ферсман говорил о трудностях не для того, чтобы напугать кого-то — это был один из самых отважных искателей,— он говорил о трудностях только для того, чтобы совместно подумать, как лучше их преодолеть. Он говорил о могуществе науки, которая «...одна позволяет под этой (земной) поверхностью отыскать лежащие там богатства, проникнуть под её покров какими-то другими глазами, чем глаза простого геолога, глазами новых научных методов — методов геофизики и молодой научной геохимии...»

Геохимия — это наука, которая изучает химические процессы, идущие в самой земле. Основы её заложил академик В. И. Вернадский. Всю свою жизнь посвятил её развитию академик А. Е. Ферсман. Эта наука сближает разные отрасли знания. Строгие законы физики и химии она привлекает для того, чтобы проследить за всеми странствиями и похождениями атомов разных химических элементов в земной коре. Она позволяет с уверенностью показать, где и при каких условиях может встречаться какой-либо химический элемент. Например, при каких условиях можно ожидать встретить скопления ванадия и вольфрама, без которых немыслимо производство лучших сталей, какие металлы будут «охотнее» встречаться вместе, как, например, барий и калий, и какие будут «избегать» друг друга и почему это так бывает.

Основы геохимии выковывались не в кабинете. Геохимия росла вместе с новыми заводами сталинских пятилеток, для которых она находила сырьё.

В 1920 году Ферсман с маленьким отрядом энтузиастов отправился изучать неприютный в то время Кольский полуостров. Бродили по оленьим тропам, часто без карты. Изнемогали от невзгод, продовольствие добывали охотой. И снова и снова шли в горы. В Хибинах они открыли залежи апатита — «камня плодородия», как его называют, потому что из него приготовляются лучшие фосфорные удобрения. Экспедиция нашла целую апатитовую гору. «Это была окаменелая сказка природы»,— говорил Ферсман.

На вездеходе Ферсман пересекал Кара-Кумы в поисках серы. На верном «газике» колесил по Уралу и Сибири. Каждая экспедиция приносила что-нибудь новое. Всё большим числом фактов подкреплялись основные положения новой науки.

Академик А. Е. Ферсман умер 20 мая 1945 года. Он оставил много начатых научных работ, а всего их было им написано свыше тысячи. Незавершённой осталась и давно задуманная им книга, посвящённая молодёжи. Он не успел решить, как её назвать: «Занимательная геохимия» или «Химия земли»? Друзья и ученики, дописавшие некоторые недостающие главы этой книги, оставили оба названия. И вот замечательная книга — плод долгих раздумий талантливого искателя, неистового странника, взыскательного художника и большого учёного — перед нами.

Она издана Детгизом, но предназначена не только для детей. Она рассказывает о способах проникновения в мир невидимого, но интересна не только для тех, кого увлекают физические способы познания мира. Она рассказывает о современном значении глубочайшего закона природы — перио-

дического закона Менделеева, но доставит удовольствие не только химикам. «Занимательная геохимия» относится к числу тех книг, которые любому читателю, юному и взрослому, помогут стать натуралистом в самом широком смысле этого слова.

Ферсман рассказывает в своей книге удивительную историю кальция, из которого преимущественно состоят грандиозные выбросы вещества с поверхности солнца, так называемые протуберанцы, и постройки белых муравьёв — термитов; раковины и мраморные плиты на распределительных щитах электростанций; сталактиты известковых пещер и бетонные основания небоскрёбов. Здесь можно проследить за судьбой железа, сверкающего в атмосферах раскалённых звёзд, падающего на землю с тонкой космической пылью и метеоритами, собираемого бактериями на дне болот, — железа, от которого зависят мощь промышленности, жизнь растений и цвет нашей крови. Если вы можете заинтересоваться рассказами о вездесущем иоде, избыток и недостаток которого одинаково смертельны для организма человека; о таинственных путях, которыми ванадий попадает в тела некоторых обитателей моря, в то время как его не удаётся обнаружить в морской воде, — если история атомов в мироздании и в технике может приковать ваше внимание, — поскорее раскройте «Занимательную геохимию».

Наши знания о химии земли дались не легко. Ферсман вспоминает в своей книге, как однажды на берегу озера Вудьявр, на Кольском полуострове, глядя на город и оживлённое шоссе, он лишь с трудом мог вызывать в своей памяти картину дикой и неприветливой тундры. «Приезжий, — писал Ферсман, — который видел перед собой теперь людный город, шоссе, грузовики — край, обжитый людьми, не мог представить себе, что ещё недавно здесь была глухая тундра. И думал ли он о тех исследователях, которые всего несколько лет тому назад брели здесь по заброшенным тропам в поисках руд и минералов? И о том, каких подчас тяжёлых лишений и трудов стоило разведать богатства, скрытые в суровой тундре, чтобы вызвать к жизни этот край?» Поэтому, рассказывая о достижениях современной научной мысли, указывая с завоёванных вершин на заманчивую перспективу будущего, Ферсман напоминает в своей книге о том, как трудно, медленно, с жертвами и лишениями были расчищены дремучие леса невежества и незнания. Романтикой этой борьбы за новое знание овеяны рассказы об истории открытия химических элементов.

И если вы не испугаетесь того, что, подойдя к концу этой великолепной книги, вы обнаружите себя, в сущности, «в начале нашего знания», если в вас укрепится желание учиться, отправиться в музей или в смелый путь изучения химических процессов земли в самой природе, в экскурсиях по родному краю, — это будет значить, что Ферсман писал свою книгу именно для вас.

О. Писаржевский

Записки натуралиста

Есть порода людей, которым весенней порой не сидится в городе. Как только забормочет, заблестит на солнце капель, они начинают готовиться в путь: чинят рюкзаки, покупают в охотничьих магазинах ружейные патроны, склонившись над картой, вычерчивают свой будущий маршрут. Работа их связана с изучением жизни природы, и весной их неудержимо тянет в горы, в степь, в леса — туда, где запевают свою первую песню птицы, где на влажной грязи можно увидеть звериный след.

К таким неутомимым путешественникам относится и Е. Спангенберг, автор книги «Записки натуралиста» (Детгиз. 1948). Зоолог, научный работник, он много раз ездил в экспедиции, привозил и шкурки для Московского зоомузея и живых животных для Зоопарка столицы. О своих путешествиях и рассказывает Спангенберг в «Записках натуралиста».

Автору хорошо знакомы и затопленные леса Ленкоранской низменности, и пески пустыни Кызыл-Кум, и усеянные маками и тюльпанами горные долины Туркмении; он бродил с ружьём по дремучей уссурийской тайге, взбирался на кручи Киргизского хребта. В «Записках натуралиста» любовно описывается своеобразие природы различных областей Советской страны.

В книге много приключений, порой опасных, порой забавных, но нет ничего надуманного, нарочитого. Автор рассказывает о том, что пережил сам, что видел своими глазами. Он, затаившись в ветвях арчи, следил за пирушкой грифов (рассказ «Глазастые хищники»), сам наблюдал, как медвежонок-пестун переносил в зубах через реку младшего братишку («На Имане»), сам ловил змей, наступая им на хвосты («Амурский полоз»), сам слышал близкий вой волчицы, старавшейся отвести от

логова охотника («Волки»), сам испытал, как остры иглы дикобраза («Тыкеп-Чакал») и как трудно развести челюсти черепахи, мёртвой хваткой вцепившейся в рукав пиджака («Мягкотелая черепаха»).

Все приключения правдивы, и ни одно не написано только для того, чтобы поразить воображение читателя. О каждом животном — герое рассказа — автор сообщает точные научные сведения. Книгу Е. Спангенберга прочтёшь не только с интересом, но и с пользой: она знакомит читателя с фауной наших лесов, гор, пустынь, степей.

«Записки натуралиста» — не только рассказы о животных, но и рассказы о работе зоолога в природе. Для пионеров, путешественников по родному краю, книга Е. Спангенберга будет служить как бы напутствием старшего товарища, бывалого следопыта. Она показывает, что успех в достижении намеченной цели зависит от знаний, выдержки и изобретательности путешественника, она пробуждает интерес к изучению живой природы, учит наблюдательности.

В рассказе «Пернатые помощники» Е. Спангенберг открывает секрет, как с помощью китайского скворца и голубой сороки он провёл в Уссурийском крае «перепись» птичьего и звериного населения. Китайские скворцы выстилают свои гнёзда собранными ими в лесах птичьими перьями. Выждав, когда скворчата выросли и вылетели из гнезда, учёный разобрал гнездовую подстилку и по пёрышкам определил, какие птицы живут в этих местах. А осматривая гнездо голубой сороки, которая собирает для гнезда шерсть, он получил справки о медведе, волке, белке, лисице, колонке.

Пусть в вашей местности не водится ни китайский скворец, ни голубая сорока. Юные натуралисты по совету автора книги могут обратиться за помощью и к обыкновенному скворцу и к полевому воробью и получат от них подробные сведения о пернатых и четвероногих обитателях своего края.

Н. Надеждина

Эти книги помогут тебе в лагере и в походах

Аксаков С. Т. Бабочки. Детиздат. 1938.

Арсеньев В. Встречи в тайге. Детгиз. 1949.

Бианки В. Лесная газета. Детиздат. 1940.

Бианки В. Нечаянные встречи. Детгиз. 1947.

Мантейфель П. Рассказы натуралиста. Детиздат. 1937.

Огнев С. И. Жизнь леса. Детиздат. 1940.

Паустовский К. Г. Мещорская сторона. Детгиз. 1947.

Паустовский К. Г. Повесть о лесах. Детгиз. 1949.

Пришвин М. Золотой луг. Детгиз. 1948.

Промптов Ю. В горах Тянь-Шаня. Детгиз. 1948.

Путешествия по родной стране. Молодая гвардия. 1948.

Скребицкий Г. Рассказы охотника. Детгиз. 1949.

Тимирязев К. А. Жизнь растений. Детиздат. 1940.

Фабр Ж. А. Жизнь насекомых. Детиздат. 1938.

Ферсман А. Е. Воспоминания о камне. Гослитиздат. 1940.

Ферсман А. Е. Занимательная минералогия. Детгиз. 1945.

Болдырев Н. И. Юный натуралист. Молодая гвардия. 1936.

Бороздинов И. Юный географ. Молодая гвардия. 1949.

Быстров А. А. и Крубер Ю. К. Школьный определитель растений. Учпедгиз. 1947.

Нейштадт М. И. Определитель растений средней полосы Европейской части СССР. Учпедгиз. 1948.

Никольский В. В. Как провести летний туристский поход. Учпедгиз. 1946.

Павлович С. А. Составление коллекций по естествознанию. Учпедгиз. 1947.

Плавильщиков Н. М. Наши насекомые. Учпедгиз. 1940.

Спутник юного туриста. Составитель О. Архангельская. Детгиз. 1948.

СОДЕРЖАНИЕ

Пушкин с нами. — *С. Бонди* . . . 2 стр.
Наш Пушкин. — *Стихи Ахмеда Ерикеева. Перевёл с татарского Лев Гинзбург. Рис. В. Константинова* . . . 5 „
Пушкин в Михайловском. — *Иван Новиков* . . . 7 „
Зимний вечер. — *Стихи А. Пушкина* . . . 13 „
Пушкин и царская цензура. — *Б. Шатилов* . . . 15 „
В Сибирь. — *Послание А. С. Пушкина* . . . 19 „
Ответ декабристов . . . 19 „
О великом поэте. — *Из высказываний о Пушкине* 20 „
Наша почта . . . 22 „
Мужество. — *Рассказ Георгия Тушкана. Рис. В. Цельмера* . . . 26 „
Шестнадцатилетний рекордсмен. — *И. Рахтанов* . . . 30 „
Бабушкино море. — *Повесть С. Георгиевской. Продолжение. Рис. Н. Цейтлина* . . . 31 „
Советы старшего вожатого . . . 36 „
В мире книг . . . 38 „
Значок победителя. Наш кружок . . . III пол. обл.

На обложке: рисунок Евг. Комарова „Здравствуй, Пушкин!“

Редколлегия: Атаров Н. С., Воронков К. В., Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 566, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 9/VI — 49 г. Изд. № 455 82×110. 1/16 бум. листа.

А — 05258 76 999 печ. зн. в печ. листе. 5 печ. л. Тираж 58 000. Заказ 1291.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ЗНАЧОК ПОБЕДИТЕЛЯ

Сначала мне казалось, что сдать нормы на значок БГТО совсем легко. И когда я начал сдавать их, всё шло очень хорошо. Но самым трудным для меня оказался бег с препятствиями. По нормам полагается пробежать 100 метров за 28 секунд, при этом нужно пройти по буму, перелезть через забор и перепрыгнуть через кустарник. Все препятствия я преодолел легко, а вот перепрыгнуть кустарник никак не мог, хотя он и не очень уж высокий, всего 80 сантиметров. Я могу прыгнуть в высоту на 1 метр 15 сантиметров, а вот 80 сантиметров кустарника оказались для меня непреодолимым препятствием. Несколько раз я разбегался и... перед самыми кустами останавливался. Так и не решился прыгнуть и ни с чем ушёл со стадиона.

«Ну, уж завтра обязательно перепрыгну!»— дал я себе слово.

Но завтра повторилось то же самое: я решительно разбежался и... перед самым кустарником свернул в сторону.

Тогда я пошёл на площадку, где наши ребята сдавали нормы по прыжкам в высоту. Установил верёвку на 80 сантиметров и легко прыгнул через неё, поставил на метр, и снова перепрыгнул. «Не стану я трусить перед кустарником!» — решил я и снова пошёл на беговую дорожку.

Вышел на старт. Судья взмахнул флажком — и я побежал. Пробежал по буму, перелез через изгородь, и вот впереди опять кустарник. Я как следует разбежался, немного замешкался перед препятствием, но всё-таки прыгнул и сразу почувствовал, что падаю на землю, а следом за мной падает и кустарник. Ребята, стоявшие поблизости, засмеялись. Я рассердился и опять пошёл на старт. «Сейчас обязательно перепрыгну. Во что бы то ни стало!»... И опять побежал.

— Давай, давай!— кричали ребята.

Сильно оттолкнувшись, я перелетел через кустарник, даже не задев его.

Кусты остались позади. Я у финиша.

— 26,9 секунды,— сказал судья и похвалил меня.

Потом я ещё несколько раз перепрыгивал кустарник. И каждый раз без особого труда брал это препятствие. Тогда я понял, что решительность — необходимое качество для спортсмена.

Сейчас я сдал уже все нормы и скоро получу значок БГТО.

Юлий Веледницкий,
ученик 7-го класса «А» 61-й школы. Москва

НАШ КРУЖОК

Старшая пионервожатая нашей школы Женя Скарандаева часто говорила нам:

— Мало самой научиться какому-нибудь делу. Нужно передавать свои знания и уменье другим. Это ваш пионерский долг, девочки!

Поэтому, когда Женя предложила мне и моей подруге Тамаре Челобитчиковой организовать физкультурный кружок у пионерок четвёртых классов, нам и в голову не пришло отказываться. Ведь я и моя подруга Тамара Челобитчикова уже около года занимаемся физкультурой.

Одного только мы боялись: что желающих окажется слишком мало. Но уже на следующий день из четвёртых классов нам принесли длинные списки.

Начали мы занятия. Прежде всего показали нашим ученицам вольные движения комплекса БГТО. Некоторым девочкам даже эти упражнения показались трудными. Ведь они никогда не занимались спортом.

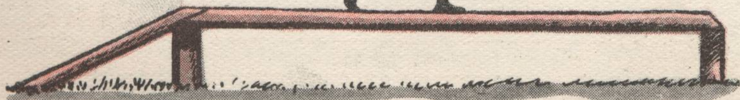
Но девочки занимались терпеливо и настойчиво, и дело пошло на лад. Скоро мы смогли перейти к упражнениям на матах. Эти упражнения гораздо труднее. Попробуйте-ка сделать «мостик», «берёзку» или «стойку».

Всю зиму и весну мы тренировались в зале. А когда стало тепло, вышли на школьную спортивную площадку.

Многие девочки из нашего кружка теперь уехали отдыхать в пионерские лагери или на дачу. Но перед отъездом мы договорились, что они ни за что не перестанут заниматься спортом. А те, кто остался в городе, два раза в неделю собираются возле школы. Наш кружок не прекращает свою работу. Девочки тренируются в беге, учатся ходить по буму, прыгают в высоту и в длину. Правда, их результаты пока что ниже норм на значок БГТО. Но занятия в кружке уже принесли большую пользу: девочки окрепли, стали ловкими и сильными. Мы с Тамарой надеемся, что у всех наших учениц через год — другой будут значки БГТО.

Лида Маслова,
ученица 7-го класса «В»
149-й школы. Москва

Цена 2 р. 50 к.

Ведь правда, ребята, глядя на эту страничку, сразу вспоминаешь «Сказку о царе Салтане» и поэму «Руслан и Людмила» Пушкина?

Эти рисунки сделали Генрих Искржицкий и Лёва Зуенков — члены художественной студии Московского дома пионеров.